

КАНТ КАК НЕМЕЦКИЙ ТЕОРЕТИК ФРАНЦУЗСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ: ВОЗНИКНОВЕНИЕ ДОГМЫ В МАРКСИСТСКО-ЛЕНИНСКОЙ ФИЛОСОФИИ

А. Н. Круглов¹

Проанализированы причины возникновения в марксистско-ленинской философии догмы о Канте как немецком теоретике французской революции, а также дано объяснение относительно поздней догматизации фразы К. Маркса. Первоначально показывались источники, повлиявшие на Маркса в его взгляде на Канта и французскую революцию, — в первую очередь К. Ф. Бахман и Г. Гейне. Затем внимание уделяется тому, в какой форме сравнения кантовской философии и французской революции имели место в России в дореволюционное время в меньшевистской среде (П. Я. Чаадаев, В. С. Межевич, братья Достоевские, В. Ф. Эрн, архиепископ Никанор, П. А. Флоренский). После этого речь идет о влиянии фразы Маркса на русскую социал-демократию и конкретно на большевиков (Г. В. Плеханов, В. И. Ленин, В. М. Шулъятиков). Неканонический статус тезиса Маркса о Канте и французской революции в Советском Союзе первой половины XX в. демонстрируется на примере дискуссии после письма З. Я. Белецкого о третьем томе «Истории философии» (1943). Наконец, превращение фразы Маркса в догму с точным указанием ее источника фиксирует первое советское издание сочинений Канта 1960-х гг. Причиной длительного отсутствия точного указания на марксовскую цитату является то, что она содержится еще в «Философском манифесте исторической школы права» (1842), который относился к идеалистическому периоду творчества раннего Маркса.

Ключевые слова: Кант, французская революция, Маркс, русский марксизм, советский марксизм, третий том «Истории философии», В. Ф. Асмус

¹ Российский государственный гуманитарный университет.
125993, Россия, Москва, Миусская пл., д. 6.
Поступила в редакцию: 16.04.2021 г.
doi: 10.5922/0207-6918-2021-3-3

KANT AS THE GERMAN THEORIST OF THE FRENCH REVOLUTION: THE ORIGIN OF A DOGMA

A. N. Krouglov¹

The origins in Marxist-Leninist philosophy of the dogma about Kant as the German theorist of the French Revolution requires some analysis and I explain how a phrase of Marx later gave rise to the dogma. I first look at the sources that influenced K. Marx's view of Kant and the French Revolution, above all C. F. Bachmann and H. Heine. I then examine the form in which Kant's philosophy was compared with the French Revolution in the non-Bolshevik milieu before the 1917 Russian Revolution (P. Ya. Chaadayev, V. S. Mezhevich, the Dostoyevsky brothers, V. F. Ern, Archbishop Nikanor, P. A. Florensky). Then I look at how Marx's phrase influenced Russian social democrats and specifically the Bolsheviks (G. V. Plekhanov, V. I. Lenin, V. M. Shulyatikov). I cite the example of the discussion triggered by a letter of Z. Ya. Beletsky concerning the third volume of *The History of Philosophy* (1943) to demonstrate the non-canonical status of Marx's thesis on Kant and the French Revolution in the Soviet Union in the first half of the twentieth century. Finally, the first Soviet edition of Kant's works in the 1960s canonised Marx's phrase and gave the exact source. The reason why it took so long to give chapter and verse for the Marx quotation is that it occurs as early as 1842 in "The Philosophical Manifesto of the Historical School of Law" which belongs to the idealistic period of the early Marx.

Keywords: Kant, the French Revolution, Marx, Russian Marxism, Soviet Marxism, third volume of *The History of Philosophy*, V. F. Asmus

More than a hundred years after the October 1917 Revolution the attitude of those who prepared and carried out the revolution — before

¹ Russian State University for the Humanities.
6 Miusskaya sq., Moscow, 125993, Russia.
Received: 16.04.2021 г.
doi: 10.5922/0207-6918-2021-3-3

По прошествии более столетия после Октябрьской революции 1917 г. вопрос о том, каково было отношение к философии И. Канта и оценка ее революционного потенциала со стороны тех, кто подготавливал и совершал эту революцию — причем как накануне ее победы, так и после нее, — остается до конца не исследованным. Тем, кто изучал марксистскую литературу в последние десятилетия существования Советского Союза, подобное утверждение может казаться явной натяжкой. Источником легитимации буржуазной философии Канта в рамках марксистско-ленинской философии того времени оказывались, в грубом виде, две цитаты — К. Маркса и В. И. Ленина. Последний подчеркнул в написанной еще в 1913 г. статье «Три источника и три составных части марксизма», что так называемая «немецкая классическая философия» наряду с классической английской политэкономией и французским утопическим социализмом являлась одним из источников и составных частей марксизма (Ленин, 1973, с. 43). Фактически Ленин лишь перафразировал слова Ф. Энгельса из его предисловия к работе «Развитие социализма от утопии к науке»: «...мы, немецкие социалисты, гордимся тем, что ведем свое происхождение не только от Сен-Симона, Фурье и Оуэна, но также и от Канта, Фихте и Гегеля» (Энгельс, 1961б, с. 323; Engels, 1987, S. 188). Исходя из этой перспективы, «вся школа Фейербаха, Маркса и Энгельса пошла от Канта влево, к полному отрицанию всякого идеализма и всякого агностицизма» (Ленин, 1968, с. 213). Влево означало здесь следующее: «Махисты критикуют Канта за то, что он чересчур материалист, а мы его критикуем за то, что он — недостаточно материалист. Махисты критикуют Канта справа, а мы — слева» (Там же, с. 207). Разумеется, у Ленина находился с десятков критических и резких выражений в адрес кантовской философии (агностицизм (Ленин, 1968, с. 18, 25, 59), «Кантианство = метафизика» (Ленин, 1969, с. 98), «кантианство = старый хлам» (Ленин, 1969, с. 72)),

and after the revolution — to the philosophy of Kant and the assessment of its revolutionary potential is still a moot question. This statement may raise eyebrows among those who studied Marxist literature in the last few decades of the Soviet Union. Roughly speaking, the legitimisation of Kant's bourgeois philosophy within Marxist-Leninist philosophy is based on two quotations, one from Karl Marx and the other from Vladimir Lenin. The latter, in the article "Three Sources and Three Component Parts of Marxism", written as early as 1913, stressed that the so-called "classical German philosophy" was one of the sources and component parts of Marxism along with classical English political economy and the French utopian socialism (Lenin, 1977a, pp. 23-24). In fact Lenin just paraphrased Friedrich Engels's words in the Preface to *Socialism: Utopian and Scientific*: "[...] we German Socialists are proud of the fact that we are descended not only from Saint-Simon, Fourier and Owen, but also from Kant, Fichte and Hegel" (Engels, 1989, p. 323). From that perspective, "the entire school of Feuerbach, Marx and Engels turned from Kant to the left, to a complete rejection of all idealism and of all agnosticism" (Lenin, 1977b, p. 204). 'To the left' means the following: "The Machists criticise Kant for being too much of a materialist, while we criticise him for not being enough of a materialist. The Machists criticise Kant from the right, we from the left" (*ibid.*, p. 199). Needless to say, we find a dozen or so sharply critical remarks about Kant's philosophy in Lenin's works (agnosticism (Lenin, 1977b, p. 26, 33, 63), "Kantianism = metaphysics" (Lenin, 1977c, p. 109), "Kantianism = old lumber" (Lenin, 1977c, p. 383)), however, they may be set aside when one speaks about the need and significance of Kant study in the Soviet Union.

Out of the entire legacy of Marx, emphasis was put on his remark that "*Kant's philosophy* must be rightly regarded as the *German theory*

однако их все же позволительно было вынести за скобки, говоря о значении и необходимости изучения Канта в Советском Союзе.

Из всего же наследия Маркса акцент ставился на его замечании о том, будто «философию Канта можно по справедливости считать немецкой теорией французской революции» (Маркс, 1954, с. 88; Marx, 1981, S. 80). Более осторожен в оценках был Энгельс, говоривший не о казуальной связи, а всего лишь о «сопутствовании»: «Политической революции во Франции сопутствовала философская революция в Германии» (Энгельс, 1954, с. 537; Engels, 1981, S. 492).

Кант как основоположник «немецкой классической философии», являющейся одним из трех источников и составных частей марксизма, диалектического и исторического материализма, представивший в экономически отсталой Германии «немецкую теорию французской революции», — именно эти клише и служили в позднем Советском Союзе канонической объяснительной схемой². И если утверждение Ленина о кантианстве как источнике марксизма лишь косвенно касается главного предмета данной статьи, то слова Маркса затрагивают его напрямую. Но что и кто явились источниками вдохновения для самого Маркса в его утверждениях о Канте и французской революции?

1. Истоки марксовского сравнения кантовской философии и французской революции

В этой интерпретации Маркс находился под сильным влиянием своего старшего друга Г. Гейне и прежде всего его произведе-

² Впрочем, по крайней мере на слова Маркса охотно ссылались и за пределами СССР, и даже до его возникновения. Достаточно упомянуть знаменитого кантоведа и сторонника этического социализма К. Форлендера, утверждавшего, что Маркс по праву называл политическую философию Канта «немецкой теорией французской революции» (Vorländer, 1912, S. 267–268).

of the French revolution” (Marx, 1975, p. 206). Engels was more circumspect, speaking about “accompaniment”: “The political revolution of France was accompanied by a philosophical revolution in Germany” (Engels, 1975, p. 537).

As the founder of “Classical German philosophy” (one of the three sources and component parts of Marxism, dialectical and historical materialism) Kant represented in an economically backward Germany “the German theory of the French Revolution” — these clichés were the canonical scheme in the later Soviet Union.² While Lenin’s statement about Kantianism being a source of Marxism touches indirectly on the main subject of this article, Marx’s words do so directly. But what and who led Marx to make his claims about Kant and the French Revolution?

1. The Sources of Marx’s Comparison of Kant’s Philosophy and the French Revolution

In this interpretation Marx is under the strong influence of his older friend Heinrich Heine, notably his work *On the History of Religion and Philosophy in Germany* (1834–1835). Engels also mentions Heine in *Ludwig Feuerbach and the End of Classical German Philosophy* (1886) (Engels, 1990, p. 384) which introduced the term “Classical German philosophy”. In 1831 Heine claimed that “our German philosophy is nothing but the dream of the French Revolution” (Heine, 2007a, p. 131). With the *Critique of Pure Reason*, according to Heine, “a spiritual revolution begins in Germany which has the oddest analogies with the material revolution

² Incidentally, Marx’s words were readily quoted outside the USSR and even before it was formed. One need only mention the famous Kant scholar and advocate of ethical socialism Karl Vorländer (1912, pp. 267–268) who maintained that Marx was right in referring to Kant’s philosophy as “the German theory of the French Revolution”.

ния «К истории религии и философии в Германии» (1834–1835). Энгельс также упоминает Гейне в своем сочинении «Людвиг Фейербах и конец немецкой классической философии» (1886) (Энгельс, 1961а, с. 274; Engels, 1962, S. 265), которое и положило начало самому термину «немецкая классическая философия». В 1831 г. Гейне утверждал, что «вся наша немецкая философия есть не что иное, как сновидение французской революции» (Гейне, 1958б, с. 154; Heine, 1972а, S. 276). С «Критикой чистого разума», согласно Гейне, «начинается духовная революция в Германии, представляющая своеобразную аналогию материальной революции во Франции, столь же важная в глазах глубокого мыслителя, как и та. Она развивается по тем же фазам, и между обеими господствует замечательнейший параллелизм» (Гейне, 1958а, с. 92; Heine, 1972б, S. 255). Вокруг «Критики чистого разума» «сосредоточились наши философские якобинцы», а поэтому Гейне без труда находит параллельную Канту личность: «Кант был нашим Робеспьером» (Гейне, 1958б, с. 154; Heine, 1972а, S. 276). Но этим немецкий поэт отнюдь не удовольствовался:

...если Иммануил Кант, этот великий разрушитель в царстве мысли, далеко превзошел своим терроризмом Максимилиана Робеспьера, то кое в чем он имел сходные с ним черты, побуждающие к сравнению обоих мужей. <...> ...Тип мещанина в высшей степени выражен в обоих: природа предназначила их к отвешиванию кофе и сахара, но судьба захотела, чтобы они взвешивали другие вещи, и одному бросила на весы короля, другому — Бога... И они взвесили точно! (Гейне, 1958а, с. 97–98; Heine, 1972б, S. 260–261).

Кант у Гейне и сам выступает неким террористом, и создает источник терроризма: «разрушитель в мире мысли» посредством «Кантовой гильотины» (Гейне, 1958б, с. 154; Heine, 1972а, S. 276), воплощение «духовного терроризма», с лихвой перекрывающего всякий «ма-

in France, and to which the serious thinker must assign equal importance. It went through the same phases, and there is the most remarkable parallelism between the two" (Heine, 2007b, p. 75). "Our philosophical Jacobins gathered around the *Critique of Pure Reason*" — so that Heine easily finds a personality to match Kant: "Kant was our Robespierre" (Heine, 2007а, p. 131). But the German poet went further:

"If [...] Immanuel Kant, the great destroyer in the realm of thought, far surpassed Maximilian Robespierre in terrorism, the two, on the other hand, had certain similarities, which invite us to compare them. [...] both demonstrate to the highest degree the type of the *petit-bourgeois* — nature had meant for them to measure out coffee and sugar, but fate forced them to weigh other things, and put a God and a King, respectively, on their scales...

And they found their true weight!" (Heine, 2007b, pp. 79-80)

With Heine, Kant is himself a kind of terrorist creating terrorism: "destroyer in the world of thought" by means of the "Kantian guillotine" (Heine, 2007а, p. 131), an embodiment of "spiritual terrorism" far exceeding any "material terrorism", "a terrorist in the realm of philosophy" ([Francke and Hollmer], 2001, pp. 496-497).

Yet Heine was not the first: his interpretation of German philosophy arose from Carl Friedrich Bachmann's work *On the Philosophy of My Time* (1816)³ which draws attention to a

³ Perhaps a still earlier source for Heine was the satirical work of Friedrich Christian Brosse: "Immortality is the tree of freedom of enlightened reason around which jubilant and happy people dance the carmagnola. At a distance Robespierre sitting on the critical throne takes away his God from the thinking public, and then in another decree again allows the faltering masses to believe in God, even coerces them into this by driving a brain screw of practical faith in reason. One deadly thrust of the dagger has already been delivered by Aenesidemus, one oppressor has already fallen! Long live Aenesidemus and Charlotte Corday. Followers of Kant! Take off your red caps! We, kind-hearted

териальный терроризм», «террорист в царстве философии» (Mitteilungen, 2001, S. 496–497).

Однако и Гейне все же не был первым: его интерпретация немецкой философии возникла на основе сочинения Карла Фридриха Бахмана³. В произведении «О философии моего времени» (1816) Бахман описывает странное обстоятельство: «...собственное воздействие “Критики чистого разума”... совпадает по времени с первыми движениями, возмущавшими Французскую революцию» (Bachmann, 1816, S. 3). В отличие от Гейне, Бахман проводит все же параллели между французской революцией и последователями Канта, а не самим кёнигсбергским мыслителем:

...возникают кровавейшие битвы, научное якобинство и терроризм, литературные убийства и гнусности, истинно площадный тон, человек вылетает за все границы конечности, полагает себя на место Бога и заставляет возникать весь мир из своих собственных мыслей, а труд, воображавший, что навсегда разрушил царство догматизма, произвел из своего собственного чрева самый безрассудный догматизм, который когда-либо видел мир» (Bachmann, 1816, S. 4).

Рассуждения Бахмана показывают, что одним из толчков для подобных сравнений философии Канта с французской революцией послужила сомнительная интерпретация пассажа из предисловия ко второму изданию «Критики чистого разума» (1787). На основе этой

³ Возможно, еще более ранним источником для Гейне могло служить сатирическое сочинение Ф. Хр. Броссе: «Бессмертие — это дерево свободы освещенного разума, вокруг которого радостные и осчастливленные люди танцуют карманьолу. Вдали сидит на троне критики Робеспьер, он забирает у думающей публики — своего Бога, и после этого в другом декрете снова разрешает простым массам — верить в Бога, он даже принуждает людей к этому вкручиванием мозгового шурупа практической веры разума. Смертельный удар кинжала уже нанесен Энезидеом, тиран уже пал! Да здравствуют Энезидеи и Шарлотта Корде! Последователи Канта! Снимите с головы красные шапки! Мы, добропорядочные роялисты, верим в бессмертие, в бессмертие!» (Bonsens [Brosse], 1798, S. 31).

strange circumstance: “[...] the impact of the *Critique of Pure Reason* coincides in time with the early movements that heralded the French Revolution”⁴ (Bachmann, 1816, p. 3). Unlike Heine, Bachmann draws parallels between the French Revolution and Kant followers and not the Königsberg thinker himself:

“[...] bloody battles break out, scientific Jacobinism and terrorism, literary assassinations and outrages, a tub-thumping tone, man exceeds all earthly limits, puts himself in place of God and makes the whole world emerge from his own thoughts, and the movement, which imagined that it had destroyed the kingdom of dogmatism once and for all, produced from its own womb the most reckless dogmatism the world had ever seen”⁵ (*ibid.*, p. 4).

Bachman’s reasoning shows that one of the impulses for such comparisons of Kant’s philosophy with the French Revolution was a dubious interpretation of a passage from the preface to the second edition of the *Critique of Pure Reason* (1787). On the basis of this Kan-

royalists, believe in immortality, immortality!” (cf. “Unsterblichkeit ist der Freiheitsbaum erleuchteter Vernunft, um welchen herum die frohen und beglückten Menschen eine Karmanjole tanzen. In der Ferne sitzt ein Robespier[r]e auf einem Thron der Kritik, er nimmt dem denkenden Publikum — seinen Gott, und erlaubt darauf wieder in einem andern Dekret dem zagenden Haufen — einen Gott zu glauben, ja er torquirt die Menschen sogar dazu mit der Gehirnschraube des praktischen Vernunftglaubens. Einen tödlichen Dolchstoß hat Aenesidemus bereits vollzogen, ein Unterdrücker ist schon gefallen! Es leb’ Aenesidemus und Charlotte Corday! Anhänger Kants! die rothen Mützen vom Kopf! wir gutmüthigen Roysten glauben die Unsterblichkeit, die Unsterblichkeit!”) (Bonsens [Brosse], 1798, p. 31).

⁴ “[...] die eigentlichen Wirkungen von Kant’s Kritik der reinen Vernunft [...] [sind] gleichzeitig [...] mit den ersten Bewegungen, wodurch sich die Französische Revolution ankündigte.”

⁵ “[...] es entstehen die blutigsten Kämpfe, ein wissenschaftlicher Jakobinismus und Terrorismus, literarische Todschnitte und Schandthaten und ein wahrer Poissardenton, der Mensch überfliegt alle Schranken der Endlichkeit, setzt sich selbst an die Stelle Gottes, und, lässt die ganze Welt aus seinen eignen Gedanken entstehen, und das Werk, welches das Königsthum des Dogmatismus für immer gestürzt zu haben wähnte, erzeugte aus seinem eignen Schooße den kühnsten Dogmatismus, den je die Welt gesehen.”

кантовской фразы Бахман утверждает: «Что Кант пытался своей критикой осуществить в метафизике полную революцию, не подлежит сомнению, исходя из его собственных высказываний» (Bachmann, 1816, S. 26–27). Благодаря исследованию Хорста Шрёпфера (Schröpfer, 2003) ясно, что это кантовское сравнение с Коперником (В XVI; Кант, 1994, с. 18) не имеет ничего общего ни с французской революцией, ни с недвусмысленно задуманной и декларируемой революцией в философии, а является ответом на рецензию Христиана Готфрида Шютца, написанную двумя годами ранее, в 1785 г., на «Основоположение к метафизике нравов» (Schütz, 1785)⁴.

В отличие от Канта, И. Г. Фихте совершенно осознанно претендовал на то, что своим наукоучением совершает в философии революцию по примеру французов: «Моя система — это первая система свободы; как та нация [французы] разрывает внешние цепи человека, так моя система порывает охватывающие его путы вещей самих по себе, внешнего влияния, и устанавливает его в своем первом основоположении в качестве самостоятельной сущности» (Fichte, 1970, S. 298). Правда, параллели между философией Канта и «дезорганизацией» посредством французской революции проводились и ранее — например, в философских журналах антикантианской направленности, издаваемых Иоганном Августом Эберхардом (см.: Anonym, 1794; Anonym, 1795). В конце XVIII в. Фридрих Готтлиб Клопшток сочинил даже такую эпиграмму:

Изменять государственное здание стали во Франции, в Германии же

Занялись подражателем, и стали изменять систему знания, замечательно⁵.

⁴ См. также письмо Шютца Канту от 18 февраля 1785 г. (AA 10, S. 399, № 237).

⁵ «Ändernd den Bau des Staates ward man in Frankreich, in Deutschland / Ahmte man nach, und ward, ändernd ein Lehrgebäu, toll» (Klopstock, 1982, S. 58, № 177).

tian phrase Bachmann (1816, pp. 26-27) makes this claim: “That Kant by his critique tried to accomplish a total revolution in metaphysics is not open to doubt on the basis of his own utterances.”⁶ Horst Schröpfer’s study shows (Schröpfer, 2003) that Kant’s 1787 comparison with Copernicus (В XVI; Кант, 1998, p. 110) has nothing to do either with the French Revolution or with the unambiguously conceived and declared revolution in philosophy, but is a response to the 1785 review of the *Groundwork of the Metaphysics of Morals* by Christian Gottfried Schütz (1785).⁷

Unlike Kant, Fichte consciously claimed to have accomplished a French-like revolution by his teaching: “My system is the first system of liberty; just as that nation [the French] breaks man’s external chains, so my system breaks the fetters of things in themselves, of external influence and establishes him in his very first principle as an independent being”⁸ (Fichte, 1970, p. 298). True, parallels between Kant’s philosophy and “disorganisation” of the French Revolution had been drawn before, e.g. in anti-Kantian philosophical journals published by Johann August Eberhard (see Anonym, 1794; Anonym, 1795). In late eighteenth century Friedrich Gottlieb Klopstock even wrote this epigram:

In France they changed the structure of the State and went mad;

In Germany (in imitation) they changed the structure of some doctrines — and went mad.⁹

⁶ “Daß Kant durch seine Kritik in der Metaphysik eine gänzliche Revolution zu bewirken suchte, ist aus seinen eignen Aeußerungen unzweifelhaft.”

⁷ See also letter from Schütz to Kant of 18 February 1785 (Br, AA 10, p. 399, № 237).

⁸ “Mein System ist das erste System der Freiheit; wie jene Nation [Frankreich] von den äußeren Ketten den Menschen losreißt, reißt mein System ihn von den Fesseln der Dinge an sich, des äußeren Einflusses los, und stellt ihn in seinem ersten Grundsatz als selbständiges Wesen hin.”

⁹ “Ändernd den Bau des Staates ward man in Frankreich, in Deutschland / Ahmte man nach, und ward, ändernd ein Lehrgebäu, toll” (Klopstock, 1982, p. 58, № 177).

А 3 января 1796 г. немецкий писатель и журналист Людвиг Фердинанд Губер в анонимно опубликованной во влиятельном французском печатном органе того времени «Le Moniteur Universel» статье писал, что знаменитый Кант произвел в Германии духовную революцию, подобную революции во Франции, причем кёнигсбергский мыслитель выступил при этом сторонником республиканского устройства ([Huber], 1796)⁶.

Тем не менее не следует упускать из виду, что тон подобных сравнений во времена революции и во времена Гейне, равно как и в разных странах — во Франции и в Германии — нередко был полностью противоположным: «В новейшее время, — писал Карл Розенкранц в середине XIX в., — стало очень модно параллелизировать ход развития немецкой философии начиная с Канта с французской политикой и из этого выводить славу немецкой философии. Но тогда (во времена Канта. — А.К.), однако, этим подразумевали совсем иное, и подобное сравнение было сопоставимо с доносом о *деструктивной тенденции...*» (Rosenkranz, 1840, S. 355).

2. Домарксовские параллели кантовской философии и французской революции в дореволюционной России

Известно ли было в дореволюционной России об этих домарксовских сопоставлениях кантовской философии и французской революции? С большой симпатией об этих сравнениях, нередко с прямыми ссылками на Гейне, высказываются такие разные мыслители, как философ-западник П. Я. Чаадаев (Чаадаев, 1991, с. 94), писатель и литературный критик

⁶ Алексис Филоненко замечает в этой связи, что здесь впервые произведено сравнение французской революции и коперниканской революции Канта (Philonenko, 1972, p. 265 note).

On 3 January 1796 the German writer and journalist, Ludwig Ferdinand Huber, in an anonymous article in *Le Moniteur Universel*, an influential French magazine of the time, wrote that the famous Kant carried out in Germany a spiritual revolution similar to the revolution in France, with the Königsberg thinker advocating the republican order ([Huber], 1796).¹⁰

Even so, we should not overlook the fact that during the revolution and Heine's time the tone of such comparisons in France was often the exact opposite of that in Germany: "In modern times", wrote Karl Rosenkranz (1840, p. 355) in the mid-nineteenth century, "it has become fashionable to draw parallels between the development of German philosophy, starting with Kant, and French politics and derive from this the glory of the German philosopher. But then (during Kant's time — A. K.) it had a totally different implication and such comparison was tantamount to a denunciation of a *destructive tendency* [...]"¹¹

2. Pre-Marxian Parallels between Kantian Philosophy and the French Revolution in Pre-revolutionary Russia

Were these comparisons between Kantian philosophy and the French Revolution known in pre-revolutionary Russia? Great sympathy for these comparisons, often with direct references to Heine, were expressed by such diverse thinkers as the pro-Western philosopher Petr Ya. Chaadayev (1991, p. 94), the writer and literary critic Vasily S. Mezhevich (1833,

¹⁰ Alexis Philonenko (1972, p. 265n) notes in this connection that it is the first comparison of the French Revolution and Kant's Copernican revolution.

¹¹ "In neuerer Zeit ist sehr beliebt geworden, den Entwicklungsgang der Deutschen Philosophie von Kant ab mit dem der Französischen Politik zu parallelisieren und den Deutschen Philosophen einen Ruhm daraus zu machen. Damals aber meinte man dies ganz anders und spielte den Vergleich in das Denuncirende einer destructiven Tendenz [...]"

В. С. Межевич (Межевич, 1833, с. 396), поздний славянофил В. Ф. Эрн (Эрн, 1991, с. 311) или православные священники архиепископ Никанор (Бровкович) (Никанор, 1888, с. 385–386) и П. А. Флоренский (Флоренский, 2007, с. 33–34). Пересказ статьи Гейне об этих параллелях между кантовской философией и французской революцией опубликовал в издаваемом вместе с братом Михаилом Михайловичем журнале и Федор Михайлович Достоевский (Гейне, 1864). Ни один из упомянутых мыслителей марксистом не был. Литературный критик и публицист Д. И. Писарев находится в рамках русской мысли, скорее, в гордом одиночестве, когда он в 1867 г. в связи с интерпретацией Гейне говорит о «ребяческих сближениях» или «приятной и затейливой выдумке» (Писарев, 2005, с. 434).

Эта *ребяческая и затейливая выдумка* доводится до своего завершения в романе М. А. Алданова «Девятое термидора» (1921). Главный герой произведения — молодой дипломат Штааль — по пути во Францию около 1793 г. оказывается в Кёнигсберге, где на улице неожиданно встречается с Кантом и начинает с ним беседу. В ней Кант говорит русскому дипломату:

Робеспьер, Дантон... Я думаю, они неплохие люди. Они заблуждаются, только и всего: почему-то вообразили себя революционерами. Разве они революционеры? Они такие же политики, такие же министры, как те, что были до них, при покойном короле Людовике. Немного лучше или, скорее, немного хуже. И делают они почти то же самое, и хотят почти того же, и душа у них почти такая же. Немного хуже или, скорее, немного лучше... Какие они революционеры?

— Кто же настоящие революционеры? — спросил озадаченный Штааль.

— Я, — сказал старик серьезно и равнодушно, как самую обыкновенную и само собой разумеющуюся вещь (Алданов, 2002, с. 59).

Свое необычное утверждение Кант аргументировал в романе так:

p. 396), the later Slavophile Vladimir F. Ern (1991, p. 311) or Orthodox priests Archbishop Nikanor (Brovkovich) (1888, pp. 385-386) and Pavel A. Florensky (2007, pp. 33-34). A rendering of Heine's article about these parallels between Kant's philosophy and the French Revolution was printed by Fyodor Dostoevsky and his brother Mikhail in the journal they published together (Heine, 1864). None of the above-mentioned thinkers were Marxists. The literary critic and public commentator, Dmitry Pisarev, was perhaps alone in the framework of Russian thought when in 1867, commenting on Heine's interpretation, he wrote about "childish comparisons" and "a pleasant and fanciful invention" (Pisarev, 2005, p. 434).

The *childish and fanciful invention* is carried to its limit in Mark Aldanov's novel *The Ninth of Thermidor* (1921). The main character, a young diplomat by the name of Staal, *en route* to France circa 1793, finds himself in Königsberg, where he accidentally meets Kant in the street and engages him in a conversation. Kant says to the Russian diplomat:

"Robespierre, Danton... I think they are not bad fellows. They are deluded, that's all: they have imagined themselves to be revolutionaries. Are they really revolutionaries? They are just the same politicians, the same ministers as there were before them under the late King Louis. A bit better or, rather, a bit worse. And they do almost the same and they wish the same and their souls are almost the same. A bit worse or perhaps a bit better. They are no revolutionaries."

"Who are the real revolutionaries?" a puzzled Staal asked.

"I am," said the old man seriously and nonchalantly as if it was something ordinary that should be taken for granted (Aldanov, 2002, p. 59).

In the novel, Kant elaborates his startling statement:

Это очень распространенное заблуждение, будто во Франции происходит революция... Признаюсь вам, я сам так думал некоторое время и был увлечен французскими событиями. Но теперь мне совершенно ясен обман, и я потерял к ним интерес. Во Франции одна группа людей пришла на смену другой группе и отняла у нее власть. Конечно, можно называть такую смену революцией, но ведь это все-таки несерьезно. Разумеется, я и теперь желал бы, чтоб во Франции создалось правовое государство, более или менее соответствующее идеям Монтескьё. Но, согласитесь, это все не то... Почему эти люди не начнут революции с самих себя? И почему они считают себя последователями Руссо?.. Руссо, — сказал он с уважением, — имел в виду совершенно другое. <...>

Только в моем учении — подлинная революция, революция духа. И потому самые вредные, самые опасные люди это не Дантон и не Робеспьер, а те, которые мешают мне высказывать мои мысли. Разве можно запрещать произведения Канта?.. (Там же).

Примеров, противоположных этой доминирующей стилизации в духе Гейне, в русской литературе очень мало. Скорее исключением оказываются размышления в романе А. Н. Толстого «Хмурое утро» (1941): «...философия-то, логика-то корректируются, как стрельба, видимой целью, глубоким познанием жизненных столкновений... Революция — это тебе не Эммануил Кант!» (Толстой, 1947, с. 33).

Толкование Алданова отличалось от предшествующих тем, что, хотя оно и было навеяно в том числе Гейне, однако, в отличие от других поклонников немецкого поэта, писатель основывался здесь на знании некоторых кантовских произведений, включая те, в которых содержались кантовские высказывания о французской революции. Равным образом на исторический материал опиралась и некая революционизация философии Канта в России со стороны А. И. Герцена. Он сравнивает внешний облик Канта и Робеспьера (Герцен, 1954, с. 305), но, похоже, не на основе Гейне. В «Былом и думам» (1855) Герцен вспоминает «Кан-

"It is a widespread misconception that what is happening in France is a revolution... I confess that I myself thought that way and was carried away by the French events. But now I understand it is all a cheat, and I have lost interest in them. In France one group of people has replaced another group and has seized power from it. Of course you can call this change a revolution, but this is not serious. Surely, I still would like to see a law-governed state in France corresponding more or less to the ideas of Montesquieu. But you would agree, wouldn't you, that this is not the real stuff?... Why don't these people begin the revolution with themselves? And why do they consider themselves to be the followers of Rousseau?... Rousseau, he said respectfully, had something totally different in mind" [...].

"Only my teaching is a genuine revolution, the revolution of the spirit. That is why the most harmful, the most dangerous people are not Danton or Robespierre, but those who prevent me from expressing my thoughts. How can you forbid Kant?... " (*ibid.*).

There are very few voices in Russian literature that challenge the prevalent Heine-like stylisation. One such exception is the reflections in Alexei Tolstoy's novel *A Gloomy Morning* (1941): "[...] philosophy, logic is corrected, like shooting, by the visible target, deep insight into life's clashes... Revolution is not your Immanuel Kant!" (Tolstoy, 1947, p. 33).

Aldanov's interpretation differed from previous ones because, although it did take its cue from Heine, among others, unlike other fans of the German poet, he knew some of Kant's works, including those which contained Kant's remarks about the French Revolution. Likewise, Herzen proceeded from historical material in tending to revolutionise Kant's philosophy. He compares the appearance of Kant and Robespierre (Herzen, 1956, p. 295), but it is unlikely that his words derive from Heine. In *My Past and Thoughts* (1855) Herzen (1982, p. 532) recalls "Kant taking off his velvet cap at the news of the proclamation of the republic in 1792 and repeat-

та, снявшего бархатную шапочку при вести о провозглашении республики 1792 года и повторившего “ныне отпускаешь” Симеона-богоприимца» (Герцен, 1957, с. 299; ср. Лк. 2: 29–32). Он не указал никакого источника, однако его можно восстановить. В рецензии на биографию Канта Ф. В. Шуберта известный историк, публицист, «летописец» своего времени и прекрасный знаток русской культуры Карл Август Фарнхаген фон Энзе передал рассказ, слышанный им около 1818 г. от знавшего Канта Фридриха Августа фон Штэгемана:

Когда через газеты было сообщено о провозглашении Французской республики, Кант, который ко всем событиям Французской революции относился с теплым участием, со слезами на глазах сказал нескольким своим друзьям, среди которых был также и Штэгеман: «Сейчас я могу сказать, как Симеон: Ныне отпускаешь раба Твоего, Владыко, по слову Твоему, с миром, после того как я видел этот день спасения». Для него во Французскую революцию вплелись все важные устремления человечества, и он надеялся на то, что они, почти потерянные в преступлениях анархии, будут спасены снова при переходе к упорядоченному правительству (Varnhagen von Ense, 1843, S. 755; ср. в иной редакции: Varnhagen von Ense, 1869, S. 187).

Оказали ли эти домарксовские сравнения и параллели кантовской философии и французской революции влияние на российскую социал-демократию?

3. Русские социал-демократы и взгляды Маркса на отношение Канта к французской революции

Продолжая традиции Алданова, А. Белого и А. А. Блока (см.: Круглов, 2010), австрийский прозаик и драматург Томас Бернхард в пьесе «Иммануил Кант» (1978) описывает путешествие кёнигсбергского философа с супругой и попугаем на корабле в Америку. Одно из кантовских размышлений где-то в Атлантике звучит в этой пьесе так:

ing, ‘Now lettest Thou Thy servant depart’¹².” He does not indicate the source, but it can be restored. In the review of the Kant biography by Friedrich Wilhelm Schubert, Karl August Varnhagen von Ense, a well-known historian, journalist, “chronicler” of his time and a connoisseur of Russian culture, relates an account he had heard circa 1818 from (Christian) Friedrich August von Staegemann who knew Kant:

When the newspapers reported the establishment of the French Republic Kant, who had warm sympathy for all the events of the French Revolution, told several of his friends, among whom was Staegemann: “Now I can say like Simeon: ‘Lord, now you are letting your servant depart in peace, according to your word, for my eyes have seen your salvation.’” For him all the important aspirations of mankind were intertwined with the French Revolution, and he hoped that these, almost lost in the crimes of anarchy, would be saved again in the transition to an ordered government¹³ (Varnhagen von Ense, 1843, p. 755; cf. in a different edition: Varnhagen von Ense, 1869, p. 187).

Did these pre-Marxian comparisons and parallels between Kant’s philosophy and the French Revolution have an impact on the Russian Social-Democrats?

3. Russian Social-Democrats and Marx’s Views on Kant’s Attitude to the French Revolution

Following the tradition of Aldanov, Andrey Bely and Alexander Blok (see Krouglov, 2010), the Austrian novelist and playwright Thomas

¹² Cf. Luke 2: 29–32.

¹³ “Als die Stiftung der Französischen Republik durch die Zeitungen verkündet wurde, sagte Kant, der allen Erscheinungen der französischen Revolution warmen Anteil gewidmet hatte, mit Tränen in den Augen zu mehreren Freunden, unter denen auch Stägemann war: ‘Jetzt kann ich sagen, wie Simeon: Herr, lasse Deinen Diener in Frieden fahren, nachdem ich diesen Tag des Heils gesehen!’ Ihm waren in die französische Revolution alle wichtige Anliegen der Menschheit verflochten, und er glaubte diese, in den Gräueln der Anarchie fast verlorenen, durch den Uebergang in geordnete Regierung wieder gerettet.”

Вот я социалист
 истинный и действительный социалист
 все прочее заблуждение
 И коммунизм тоже
 только модная блажь
 Маркс негодник
 А этот бедный слабоумный Ленин
 совершенно превратно меня истолковал
 (Бернхард, 1999, с. 273)

Оправданны ли были возмущения литературного Канта в пьесе Бернхарда?

В значительной степени позиция русской социал-демократии по отношению к Канту определялась двумя фигурами — Г. В. Плехановым и Лениным. Кантовская философия затрагивается в целом ряде сочинений Плеханова с 1898 по 1916 г. — в примечаниях к русскому переводу сочинения Энгельса «Людвиг Фейербах и конец немецкой классической философии» (1-е издание — 1892 г., 2-е издание — 1905 г.), статьях «Конрад Шмидт против Карла Маркса и Фридриха Энгельса» (1898), «Материализм или кантизм» (1899), «Cant против Канта или духовное завещание г. Бернштейна» (1901), «Еще о войне» (1915), а также предисловии к книге А. М. Деборина «Введение в философию диалектического материализма» (1916). Однако во всех этих многочисленных работах мне не известно никаких попыток Плеханова сблизить немецкую философию Канта и французскую революцию. Более того, в отличие от Ленина Плеханов иначе видел историческую роль немецкой классической философии: не ее, а материализм Спинозы он рассматривал в качестве источника марксизма (см.: Плеханов, 1956а, с. 386; Плеханов, 1957б, с. 75–76)⁷. В примечаниях к собственному переводу Энгельса он подчеркнул: «...в своей книге о Германии Гейне гораздо больше распространяется о революционном, <— очень преувеличенное им,> — значении Канта (его “Критики чистого разума”), чем Гегеля» (Плеханов, 1956б, с. 453). Некоторое со-

Bernhard in his play *Immanuel Kant* (1978) describes Kant's journey to America on board a ship together with his wife and parrot. One of Kant's reflections somewhere in the middle of the Atlantic goes like this:

I am a socialist
 a true and a real socialist
 all the rest is delusion
 Communism is
 also a fad
 Marx is a rascal
 And the poor feeble-minded Lenin
 totally perverted me¹⁴
 (Bernhard, 1983, p. 633)

Did the literary Kant in Bernhard's play have a point?

The attitude of Russian Social-Democrats to Kant was to a large extent determined by two figures, Georgy V. Plekhanov and Lenin. Plekhanov touches upon Kant's philosophy in many works written between 1898 and 1916, in notes for the Russian translation of Engels's *Ludwig Feuerbach and the End of Classical German Philosophy* (1892, 1905), the articles “Conrad Schmidt Versus Karl Marx and Frederick Engels” (1898), “Materialism or Kantianism”, “Cant against Kant or Herr Bernstein's Will and Testament” (1901), “More about the War” (1915), and the foreword to Abram M. Deborin's book *Introduction to the Philosophy of Dialectical Materialism* (1916). However, in all these numerous works I have not found any attempts to link Kant's philosophy and the French Revolution. Moreover, Plekhanov had a different view of the historical role of Classical German philosophy than Lenin: he consid-

¹⁴ “Ich bin Sozialist
 der wahre der tatsächliche Sozialist
 alles andere ist ein Irrtum
 Und der Kommunismus
 ist eine Modetorheit
 Marx ein Tunichtgut
 Der arme schwachsinnige Lenin
 hat mich total mißverstanden”.

⁷ См. об этом подробнее: (Krouglov, 2018).

поставление французской революции и немецкой философии у Плеханова все же встречается, однако без констатации какого-то влияния или каузальных связей, а скорее с акцентом на огромных различиях: «Во Франции одна революция сменяла другую, потрясая и волнуя весь мир, а в это время в Германии происходила бескровная борьба философских систем: одна система заменяла другую, — Кант вытеснял Вольфа, Фихте вытеснял Канта, Гегель вытеснял Фихте, и эта борьба тоже страшно волновала мир — мир ученых и студентов философского факультета» (Плеханов, 1928, с. 327).

Мне не известно также ни единого обращения Ленина к цитате Маркса о философии Канта как «теории французской революции». Большевики, которые все же рассуждали на темы революции в рамках тех или иных историко-философских истолкований, вообще приходили к радикально иным выводам, нежели сам Маркс в конкретных оценках кантовской философии. Владимир Михайлович Шулятиков в сочинении «Оправдание капитализма в западноевропейской философии (от Декарта до Э. Маха)» объявил Канта представителем и выразителем мануфактурной философии, поскольку именно мануфактура процветала в экономически отсталой Германии времен кёнигсбергского философа. Именно здесь и содержится источник схематического построения философии Канта: «...вся “Критика чистого разума” есть не что иное, как учение о том, с помощью сколь многообразных, расположенных в последовательном, иерархическом порядке организаторских инстанций субъект превращает хаос внешнего мира в нечто цельное и стройное. Картина сложной организации мануфактурных мастерских воспроизводится в деталях» (Шулятиков, 1908, с. 75–76). Через три года после начала первой русской революции Шулятиков заявил: «Область философии — настоящая Бастилия буржуазной идеологии. До сих пор для штурма ее сравни-

ered Spinoza’s materialism and not Classical German philosophy to be a source of Marxism (see Plekhanov, 1974a, p. 363; Plekhanov, 1976, pp. 72).¹⁵ In the notes to his own translation of Engels he stressed: “[...] in his book on Germany, Heine dwells far more on the revolutionary significance [which he greatly exaggerated] of Kant (his *Criticism of Pure Reason*) than of Hegel” (Plekhanov, 1974b, p. 430). Still, Plekhanov does occasionally compare the French Revolution with German philosophy though he does not write about any influences or causal links, but rather stresses the huge differences: “In France one revolution followed another, shaking and agitating the world, whereas in Germany a bloodless clash of philosophical systems was taking place: one system was replacing another — Kant was ousting Wolff, Fichte was ousting Kant and Hegel was ousting Fichte and this struggle terribly excited the world, the world of scholars and philosophical students” (Plekhanov, 1928, p. 327).

Similarly, I am not aware of Lenin ever turning to Marx’s quotation about Kant’s philosophy as “the theory of the French Revolution”. The Bolsheviks, insofar as they reflected on revolution in the framework of various historical-philosophical interpretations, arrived at conclusions that were radically different from Marx’s in assessing Kant’s philosophy. Vladimir M. Shulyatnikov in his book *Justification of Capitalism in West European Philosophy (From Descartes to E. Mach)* declared Kant to be a representative and proponent of manufactory philosophy because manufacture flourished in economically backward Germany during Kant’s time. Herein lies the source of Kant’s philosophical schema: “[...] the whole *Critique of Pure Reason* is but a teaching about how, with the aid of diverse organisational instances arranged in a sequential, hierarchical order, the subject turns the chaos of the external world

¹⁵ For more on this see Krouglov (2018).

тельно мало сделано. И момент решительного штурма еще не наступил. Но, во всяком случае, он приближается. И от нас, марксистов, зависит его наступление» (Там же, с. 148–149). Обращение это означает в том числе разоблачение мелкобуржуазной философии вроде кантовской как такой философии, которая выражает и защищает интересы чуждых классов⁸.

Таким образом, догмой цитата Маркса про «немецкую теорию французской революции» стала уже после победы революции в России и в качестве канонической окончательно утвердилась лишь после окончания Великой Отечественной войны. Это явным образом доказывает история, приключившаяся во время войны с третьим томом «Истории философии».

4. Кант и французская революция в третьем томе «Истории философии» (1943)

Если обратиться к влиятельному учебнику диалектического материализма начала 1930-х гг. под редакцией М. Б. Митина, может сложиться впечатление, что уже тогда каноническая оценка вопроса о Канте и французской революции вполне сложилась. Так, по отношению ко всей немецкой философии от Канта до Г. В. Ф. Гегеля в разделе «Исторические корни марксизма», следующем за разделом «Три источника и три составных части марксизма», утверждается: «Классическая немецкая философия прорывает под влиянием Великой французской революции метафизический тупик буржуазной теории. Но она прорывает метафизику на идеалистической основе, отождествляя развитие бытия с развитием

into something whole and streamlined. The picture of the complex organisation of manufactory workshops is reproduced in detail” (Shulyatkov, 1908, pp. 75-76). Three years after the beginning of the First Russian Revolution Shulyatkov said: “The area of philosophy is a veritable Bastille of bourgeois ideology. To date comparatively little has been done to storm it. The moment for a decisive storm has not yet come. But it is certainly approaching. Its arrival depends on us Marxists” (*ibid.*, pp. 148-149). In a certain way this statement exposes petty bourgeois philosophy such as Kant’s as a philosophy that expresses and defends the interests of alien classes.¹⁶

So, Marx’s quotation about “the German theory of the French Revolution” did not become a dogma until after the victory of the Russian Revolution and finally became canonised only after the end of World War II. This is amply borne out by the affair with the third volume of *The History of Philosophy* during the war.

4. Kant and the French Revolution in the Third Volume of *The History of Philosophy* (1943)

If we turn to the influential early 1930s textbook, *Dialectical and Historical Materialism*, edited by Mark B. Mitin we may get the impression that the canonical view of the issue of Kant and the French Revolution was firmly established by the 1930s. Thus, with regard to the whole of German philosophy from Kant to Hegel the section “Historical Roots of Marxism” following the section on “The Three Sources and Three Component Parts of Marxism”

⁸ Ср. Плеханов о Шулятикове: «У него выходит так, что когда Кант писал о нуменах и феноменах, то он не только имел в виду различные общественные классы, но также — по выражению старухи-чиновницы Г. Успенского — “норовил в карман” одного из этих классов, именно буржуазии» (Плеханов, 1957а, с. 325). Плеханов ссылается на персонажа Г. И. Успенского в его произведении «Разоренье» (1869).

¹⁶ Cf. Plekhanov (1976b, p. 305) on Shulyatkov: “According to him, when Kant wrote about noumena and phenomena, he not only had in mind various social classes, but also, to use the expression of the old wife of one of Uspensky’s bureaucrats, he ‘aimed at the pocket’ of one of these classes, namely, the bourgeoisie.” Plekhanov was referring to a character from Gleb I. Uspensky’s book of essays and stories *Ruin* (1869).

мышления» (Диалектический и исторический материализм, 1934, с. 17). В свою очередь, в разделе «Дуализм Канта и современное кантианство» без указания названия работы говорится: «Маркс недаром называл философию Канта “немецкой теорией французской революции”». Она одной рукой свергает бога, другой снова возводит его на трон; она пытается оттолкнуться от идеализма, но отшатывается в ужасе от стоящего перед ней материализма и вновь погружается в пучину идеалистических спекуляций» (Там же, с. 63). Однако начавшаяся война существенно изменила ситуацию.

В 1943 г. Институт философии АН СССР выпустил третий том «Истории философии», большая часть которого была посвящена как раз немецкой классической философии⁹. Том содержал краткое предуведомление «От редакции»: «Настоящий том выходит в суровые дни Великой Отечественной войны против фашистских захватчиков. Затопившие мир в море крови и слез фашистские варвары оскверняют все лучшие идеалы и достижения европейской культуры. Грязным сапогом растоптали они бывшие культурные традиции Германии» (От редакции, 1943). Главу о Канте в этом издании написал В. Ф. Асмус, который несколькими месяцами ранее уже опубликовал брошюру «Фашистская фальсификация классической немецкой философии». Это небольшое сочинение во многом воспроизводит тезисы Асмуса из его более ранней статьи «Философская культура под сапогом фашизма» (Асмус, 1936). Асмус продолжил в брошюре также и дело Г. К. Баммеля, опубликовавшего в 1936 г. статью «О фашизации истории философии в Германии». В работе Баммеля присутствуют многочисленные цитаты из Маркса и Энгельса, однако интересующая нас цитата из «Философского манифеста исторической школы права» дана лишь как парафраз: «Пролетариат может гордиться тем, что, несмотря на мещанскую ограни-

makes this claim: “Classical German philosophy, under the influence of the Great French Revolution, breaks the methodological deadlock of bourgeois theory. But it does so on the *idealistic* basis, identifying the development of being with the development of thought” (Mitin, 1934, p. 17). The section “Kant’s Dualism and Modern Kantianism” claims, without citing chapter and verse: “It was no accident that Marx called Kant’s philosophy ‘the German theory of the French Revolution’. With one hand it overthrows God and with the other again enthrones him, it tries to distance itself from idealism, but shrinks in horror in the face of materialism to plunge again in the mire of idealistic speculations” (*ibid.*, p. 63). However, the start of the war brought a significant change to the situation.

In 1943 the USSR Academy of Sciences’ Institute of Philosophy published the third volume of *The History of Philosophy*, most of which was devoted to Classical German philosophy.¹⁷ The volume contained a short prefatory note “From the Editors”: “This volume is coming out in the grim days of the Great Patriotic War against the Fascist invaders. The Fascist barbarians, who have flooded the world in a sea of blood and tears, are desecrating the best ideals and achievements of European culture. They have trampled down with their dirty jackboot the former cultural traditions of Germany” (Aleksandrov, et al., 1943). The chapter on Kant in this book was written by Valentin F. Asmus, who had several months earlier published a pamphlet *Fascist Falsification of Classical German Philosophy*. This short work is in many ways a recap of his theses in an earlier article “Philosophical Culture under the Fascist Jackboot” (Asmus, 1936). In the pamphlet Asmus also picks up the topic of Grigory K. Bammel who had published an article “On Fascisation of the History of Philosophy in Germany” in

⁹ См. об этом подробнее: (Круглов, 2020).

¹⁷ For more on this see Krouglov (2020).

ченность и тупость прусской монархии, наложивших сильную печать на философию Канта, Фихте и Гегеля, в их философских системах были сформулированы идеи, прогрессивные для своего времени, отражавшие на немецкой почве идеологию Великой французской революции, европейских буржуазных революций» (Баммель, 1936, с. 242). В свою очередь, Асмус в брошюре 1942 г. лишь подчеркнул: «Этот исторический Кант, апологет и пропагандист рассудка, немецкий теоретик Просвещения и буржуазной французской революции, не нужен современному фашизму» (Асмус, 1942, с. 17).

В главе о Канте в «Истории философии» критика сведена до минимума, насколько это вообще возможно, хотя и присутствует как в собственно главе о Канте, так и в главе о Гегеле:

Лучшие умы Германии первой половины XIX в. не смогли устоять против национальной немецкой стихии — филистерства. Двойственность и половинчатость Канта, филистерские черты Гёте, кичливый национализм Фихте, мракобесие позднего Шеллинга, преклонение Гегеля перед реакционным прусским государством — все это явления одного порядка: дань политической отсталости Германии в ее бюргерской косности ([Быховский?], 1943, с. 301).

Асмус подчеркивает, что французская революция стала одним из трех событий, нарушивших распорядок тихой жизни кёнигсбергского философа: «В событиях Французской революции Кант видел попытку исторического осуществления новых идеалов права и гражданского порядка. Кант не скрывал своего сочувственного отношения к перевороту 1789 г., а в сочинении, посвященном проблемам права, решительно отвергал феодальные наследственные привилегии» ([Асмус], 1943, с. 60). Однако обсуждение вопросов революции велось Кантом в «крайне абстрактной философской форме» (Там же), что позволило ему избежать преследований со стороны прусского короля.

1936. Bammel's work is replete with quotations from Marx and Engels, but the quotation from "The Philosophical Manifesto of the Historical School of Law" is only paraphrased: "The proletariat can be proud that, in spite of the philistine narrow-mindedness and stupidity of the Prussian monarchy which left a strong imprint on the philosophy of Kant, Fichte and Hegel, their philosophical systems formulated the ideas that were progressive for their time reflecting on German soil the ideology of the Great French Revolution, the European bourgeois revolutions" (Bammel, 1936, p. 242). In turn, Asmus (1942, p. 17) in his pamphlet merely stressed: "Modern Fascism does not need this historical Kant, apologist and propagandist of reason, the German theorist of Enlightenment and the bourgeois French Revolution."

The Kant chapter in *The History of Philosophy* keeps critique down to a minimum although it is present in the chapter on Kant and in the chapter on Hegel:

The best brains of Germany in the first half of the nineteenth century could not resist the national German feature of philistinism. The duality and ambivalence of Kant, philistine traits in Goethe, the arrogant nationalism of Fichte, obscurantism of the later Schelling, Hegel's worship of the reactionary Prussian state — all these are phenomena of the same order: a tribute to the political backwardness of Germany and its philistine narrow-mindedness ([Bykhovsky?], 1943, p. 301).

Asmus stresses that the French Revolution was one of the three events that upset the tranquil tempo of Kant's life: "Kant saw the events of the French Revolution as a historic attempt to implement the new ideals of law and civil order. Kant did not hide his sympathy for the 1789 coup and in a work on the problems of law resolutely rejected the feudal inheritance privileges" ([Asmus], 1943, p. 60). However, Kant's discussion of revolutionary issues had

Как и в предыдущих марксистских работах, у Асмуса, несмотря на многочисленные сноска на классиков, прямая отсылка к работе Маркса в случае обсуждения французской революции странным образом отсутствует:

Кант выступает как «немецкий теоретик французской революции». Эта характеристика философии Канта, принадлежащая Марксу и Энгельсу, очень точно определяет своеобразие исторической роли Канта. Если идеи французской революции дали *содержание* практической философии Канта, то историческая отсталость немецкого общественно-политического развития, отраженная в развитии немецкой идеологии, обусловила своеобразную *философскую форму*, в которую это содержание отлилось. Основанный во Франции на действительных классовых интересах, французский либерализм принял в сознании немецких философов, выражавших интересы немецкого бюргерства, иллюзорный, мистифицированный вид ([Асмус], 1943, с. 99).

Наконец, Асмус специально отметил, что Кант «начисто отказал подданным в праве сопротивления. Положение это, отрицавшее правомерность революционной борьбы, обосновывалось у Канта софизмами, филистерство которых способно привести в изумление» (Там же, с. 123). Таким образом, в «Истории философии», пожалуй, впервые в работах отечественных марксистов присутствует не начетничество, а попытка разобраться в том числе и в собственных кантовских высказываниях о французской революции¹⁰, не кивая на Маркса и Энгельса.

¹⁰ В отличие от философских работ, в исторических исследованиях того времени мы можем встретить пусть и сжатый, но достаточно полный обзор высказываний Канта о французской революции, а также попытки реконструкции кантовского отношения к революции, и при этом историки точно указывают источник цитаты из Маркса (см.: Мошкова, 1941). В философских же работах доминировал иной стиль. Так, Деборин в споре с Л. И. Аксельрод (Ортодокс) о материализме Спинозы обратился к оппоненту со следующим призывом: «Пусть Аксельрод приведет хотя бы одну цитату из сочинений Маркса, Энгельса, Плеханова, Ленина, которые подтвердили бы правильность ее точки зрения» (Деборин, 1927, с. 20).

“an extremely abstract philosophical form” (*ibid.*), which was one of the reasons why the Prussian king did not persecute him.

As in his previous Marxist works, Asmus, in discussing the French Revolution, in spite of numerous references to the classics, strangely avoids direct reference to Marx’s work:

Kant is presented as “a German theorist of the French Revolution.” This description of Kant’s philosophy by Marx and Engels pinpoints the peculiar historical role of Kant. While the ideas of the French Revolution provided the *content* of Kant’s practical philosophy, the historical backwardness of the German social-political development reflected in the development of the German ideology provided the *philosophical form* in which this content was cast. Based in France on real class interests, French liberalism assumed an illusory, mystified character in the consciousness of German philosophers who expressed the interests of the German bourgeoisie ([Asmus], 1943, p. 99).

Finally, Asmus stresses that Kant “flatly denied the subjects the right to resist. Kant bolstered this proposition which denied the legitimacy of revolutionary struggle with sophisms whose philistinism is mind-boggling” (*ibid.*, p. 123). Thus, in *The History of Philosophy* we find, perhaps for the first time in the works of Soviet Marxists, not tired clichés, but an attempt to sort out Kant’s pronouncements about the French Revolution¹⁸ without invoking the authority of Marx and Engels.

¹⁸ As distinct from philosophical works, historical studies of the time do contain an admittedly brief, but sufficiently comprehensive, review of Kant’s remarks about the French Revolution and attempt to reconstruct Kant’s attitude to the revolution, with the historians precisely indicating the source of Marx quotation (*cf.* Moshkovskaya, 1941). A different style prevailed in philosophical works. Thus, Deborin (1927, p. 20), in a dispute with Liubov I. Akselrod (Orthodox) on Spinoza’s materialism, challenged his opponent in this way: “Let Akselrod cite at least one quotation from Marx, Engels, Plekhanov or Lenin that would corroborate her point of view.”

Первоначально за все три тома данного издания была присуждена Сталинская премия. Но в 1944 г. журнал «Большевик» опубликовал постановление ЦК ВКП(б) «О недостатках и ошибках в освещении истории немецкой философии конца XVIII и начала XIX вв.», ставшее итогом долгого разбирательства. Для авторов дело обошлось без репрессий, хотя задним числом Комитет по Сталинским премиям и лишил третий том присужденной ранее награды. Общий итог постановления 1944 г. гласил:

...в главах III тома «Истории философии», посвященных философии Канта, Фихте и Гегеля, дается ошибочное изложение истории немецкой философии, преувеличивающее ее значение, смазывающее противоречие между системой и методом философии Гегеля, вносящее путаницу в головы читателей. В томе не подвергнуты критике реакционные социально-политические взгляды немецких философов конца XVIII и начала XIX века (О недостатках и ошибках..., 1944, с. 19)¹¹.

5. «Аристократическая реакция на Великую Французскую революцию...»

Разбирательство по третьему тому было спровоцировано письмом заведующего кафедрой диалектического и исторического материализма философского факультета Московского университета З. Я. Белецкого И. В. Сталину. В письме были сформулированы многочисленные критические выпады в адрес третьего тома «Истории философии». Белецкий заметил: «Из третьего тома мы узнаем, что философия немецкого классического идеализма не имела никакого отношения к немецкой действительности. Эта философия, по мнению редакции, была общечеловеческой философией — философия, которая утверждала в обще-

¹¹ Текст постановления подготовил, как ни странно, Г. Ф. Александров, один из основных авторов учебника (см.: Александров, 2003б).

Initially, all three volumes of this publication were awarded the Stalin Prize. But in 1944 the journal *Bolshevik* published a resolution of the Central Committee of the All-Union Communist Party of Bolsheviks (CC AUCP(B)) “On the Shortcomings and Errors in Presenting the History of German Philosophy in the Late Eighteenth and Early Nineteenth Centuries”, which was the outcome of a long discussion. The affair did not lead to the authors’ being victimised, although the Stalin Prize Committee retroactively stripped the Third Volume of the prize. The conclusion of the 1944 resolution read:

[...] the chapters of the third volume of *The History of Philosophy* devoted to the philosophy of Kant, Fichte and Hegel offer an erroneous rendering of the history of German philosophy which exaggerates its significance, blurs the contradiction between system and method in Hegel’s philosophy, which introduces confusion in the heads of readers. The volume fails to criticise the reactionary socio-political views of the German philosophers of the late eighteenth and early nineteenth centuries (Central Committee of the All-Union Communist Party of Bolsheviks, 1944, p. 19).¹⁹

5. “Aristocratic Reaction to the Great French Revolution...”

The post mortem on the third volume was provoked by a letter to Stalin by Zinoviy Ya. Beletsky, the incumbent of the Chair of Dialectical and Historical Materialism of Moscow University’s Philosophical Faculty. The letter formulated numerous critical attacks on the third volume of *The History of Philosophy*. Beletsky (2003, p. 56) wrote: “From the third volume we learn that the philosophy of German classical idealism had nothing to do with German reality. This

¹⁹ Oddly enough, the text of the resolution was written by G. F. Aleksandrov (2003b), one of the main contributors to the textbook.

стве идеи революции, свободы и прогресса» (Белецкий, 2003, с. 56). Не прошел он и мимо знаменитой цитаты из Маркса: «Если уже Кант и Гегель были “немецкими теоретиками французской революции”, то в идейном развитии Гегеля понятия и точка зрения, созданные революционным переворотом XVIII столетия, оказались животворным элементом его мировоззрения» (Там же, с. 57).

Отношение немецкой классической философии к французской революции вообще стало одним из ключевых пунктов письма. Согласно Белецкому, Маркс и Энгельс писали:

«Для немецкой философии XVIII века требования первой французской революции имели смысл лишь как требования “практического разума” вообще, а волеизъявления революционной буржуазии представлялись им законами чистой воли, какой она должна быть, истинно человеческой волей. Все дело немецких литераторов состояло в том, чтобы согласовать со своей старой философской совестью новые французские идеи или, вернее, том, чтобы усвоить себе французские идеи, оставаясь на своей старой философской точке зрения» (т. 5, с. 506)¹². Следовательно, классики марксизма не считали, что идеи французской революции вызвали к жизни немецкую классическую философию. Наоборот, они со всей силой подчеркивали ту мысль, что французская философия была переработана в Германии в интересах немецкой действительности. Они писали, что философия Канта целиком отражала прусскую юнкерскую действительность. Вот их слова: «Состояние Германии в конце прошлого века целиком отражается в кантовской “Критике практического разума”» (т. 4, с. 174)¹³. Эта оценка кантовской философии, даваемая Марксом и Энгельсом, находится, как можно видеть, в прямой противоположности с оценкой, данной этой философии Редакцией третьего тома (Белецкий, 2003, с. 58).

¹² Белецкий цитирует «Манифест коммунистической партии» Маркса и Энгельса.

¹³ Цитата из «Немецкой идеологии» Маркса и Энгельса.

philosophy, in the opinion of the editors, was a universal human philosophy, a philosophy which promoted the ideas of revolution, liberty and progress in society.” He did not bypass the famous Marx quotation: “If already Kant and Hegel were ‘German theorists of the French Revolution’, in the development of Hegel the concepts and viewpoint created by the revolutionary turn of the eighteenth century proved to be a life-giving element of his world view” (*ibid.*, p. 57).

One of the key points of the letter was the attitude of Classical German philosophy to the French Revolution in general. According to Beletsky, Marx and Engels wrote:

“For the German eighteenth century philosophy the demands of the first French revolution had meaning only as the demands of ‘practical reason’ in general and they saw the volition of the revolutionary bourgeoisie as the laws of pure will as it should be, truly human will. The whole business of the German writers was to harmonise with their old philosophical conscience the new French ideas or, rather, to assimilate the French ideas while adhering to their old philosophical point of view” (vol. 5, p. 506).²⁰ Consequently, the classic authors of Marxism did not believe that the ideas of the French Revolution had given rise to Classical German philosophy. On the contrary, they argued vehemently that French philosophy was reworked in Germany in the interests of German reality. They wrote that Kant’s philosophy entirely reflected Prussian Junker reality. Here are their words: “The state of Germany at the end of the last century is wholly reflected in Kant’s *Critique of Practical Reason*” (vol. 4, p. 174).²¹ This assessment of Kant’s philosophy, as will readily be seen, is the direct opposite of the assessment given by the editors of the third volume (Beletsky, 2003, p. 58).

The situation with Hegel and the revolution was similar, Beletsky argues: “Elsewhere Marx

²⁰ Beletsky is quoting *Manifesto of the Communist Party* of Marx and Engels.

²¹ Quotation from *The German Ideology* by Marx and Engels.

Сходным образом обстояло, по Белецкому, дело и с Гегелем и революцией: «В другом месте Маркс писал, что Гегель свою политическую мудрость заимствовал не из идей французской революции, а из средних веков: “Вершиной гегелевского тождества, — писал Маркс, — были, как он сам говорил, средние века” (т. 1, с. 592)¹⁴» (Белецкий, 2003, с. 59); «Гегель подобно Канту и Фихте не был ни сторонником идей Великой Французской революции, ни идеологом революции вообще» (Там же, с. 61–62). Равным образом это справедливо, согласно Белецкому, и для немецкого классического идеализма в целом: «Классики марксизма никогда не утверждали, что философия немецкого классического идеализма выросла из идей Великой французской революции, Редакция же третьего тома утверждает, что эта философия целиком выросла из идей французской революции» (Там же, с. 59–60). Полемизируя с тезисом Асмуса о форме и содержании кантовской философии, Белецкий специально подчеркнул: «Идеализм немецких классиков был, следовательно, не формой для выражения революционных идей, а и по форме и по содержанию он являлся идеологией консервативно настроенной немецкой буржуазии» (Там же, с. 65).

В заочную эпистолярную полемику с Белецким вступил Г. Ф. Александров, написавший секретарям ЦК ВКП(б): «В своем письме т. Белецкий утверждает, что “классики марксизма-ленинизма не считали, что идеи французской революции вызвали к жизни немецкую классическую философию”. С этой позиции т. Белецкий критикует III т. “Истории философии”, в котором доказывается влияние (а не “вызывание к жизни”, как это утверждает т. Белецкий) французской революции на классическую немецкую философию» (Александров, 2003а, с. 83). В письме Александрова едва ли не впервые наконец-то обнаруживается прямая

wrote that Hegel borrowed his political wisdom not from the ideas of the French Revolution, but from the Middle Ages: ‘The pinnacle of Hegel’s identity’, Marx wrote, ‘was the Middle Ages’, as he himself said (vol. 1, p. 592)²²» (Beletsky, 2003, p. 59); “Hegel, like Kant and Fichte, was neither a supporter of the ideas of the Great French Revolution, nor an ideologist of revolution in general” (*ibid.*, pp. 61-62). This holds equally, according to Beletsky, for German classical idealism as a whole: “Marxist classic authors never claimed that the philosophy of German classical idealism grew out of the ideas of the Great French Revolution. But the editors of the third volume maintain that this philosophy grew entirely out of the ideas of the French Revolution” (*ibid.*, pp. 59-60). Challenging Asmus’s thesis about the form and content of Kant’s philosophy, Beletsky stresses: “The idealism of the German classics was therefore not a form of expressing revolutionary ideas, but was *in form and in substance an ideology of the conservative-minded German bourgeoisie*” (*ibid.*, p. 65).

The epistolary polemic with Beletsky was joined by Georgy F. Aleksandrov (2003a, p. 83) who wrote to the secretaries of the CC AUCP(B): “In his letter Comrade Beletsky claims that ‘the classic authors of Marxism-Leninism did not believe that the ideas of the French Revolution had brought to life the Classical German philosophy’. From that position Comrade Beletsky criticises Volume III of *The History of Philosophy* which argues that the French Revolution *influenced* (and did not ‘bring to life’, as Comrade Beletsky claims) Classical German philosophy.” Aleksandrov’s letter, probably for the first time, contains a direct reference to the Marx quotation about Kant and the French Revolution: “Marx and Engels *recognised* the influence of the French Revolution on Kant, Fichte and Hegel. Marx wrote: ‘The philosophy

¹⁴ Цитата из «К критике гегелевской философии права» Маркса.

²² Quotation from *Critique of Hegel’s Philosophy of Right* by Marx.

ссылка на цитату из Маркса о Канте и французской революции: «Маркс и Энгельс признавали влияние французской революции на Канта, Фихте и Гегеля. Маркс писал: “Философию Канта можно по справедливости считать немецкой теорией французской революции” (т. 1, с. 198)» (Там же). Поскольку большинство критических замечаний Белецкого касалось все же Гегеля, то Александров специально остановился и на этом вопросе: Гегель отмечал, что «французский народ при помощи своей революции сбросил отягощающие его безжизненные силы». Он назвал эту революцию «великолепным восходом солнца», признавая, что «все мыслящие существа праздновали эту эпоху» (Там же, с. 83–84)¹⁵. В качестве некоторого предварительного итога полемики с Белецким по данной проблеме Александров заявил: «Здесь нет нужды опровергать застарелое и невежественное мнение тов. Белецкого о том, что Кант и Гегель не испытали влияния революционных идей. Этот вопрос давно решен в марксистской литературе» (Там же, с. 91).

В своих посланиях Белецкий прямо, а Александров косвенно обращались к Сталину. Был ли он вообще компетентен в этом споре и как именно он понимал «решенный» в марксистской литературе вопрос о влиянии революционных идей на Канта и Гегеля? За исключением статьи в «Правде» 1938 г. «О диалектическом и историческом материализме»¹⁶ Кант практически не упоминается в печатных сочинениях Сталина. Имеется свидетельство В. А. Разумного, которое сегодня вряд ли можно перепроверить. Согласно ему, около 1952 г. Сталин на квартире секретаря партийной организации ИФ АН СССР Д. И. Чеснокова, узнав о проходящем собеседовании перед кандидатским экзаменом по «Критике способности суждения», произнес:

¹⁵ Александров имеет в виду «Философию истории» Гегеля.

¹⁶ См. более позднее издание (Сталин, 1945, с. 13).

of Kant may fairly be considered to be the German theory of the French Revolution’ (vol. 1, p. 198)” (Aleksandrov, 2003a, p. 83). Because the majority of Beletsky’s critical remarks were about Hegel, Aleksandrov dwells on this issue: Hegel noted that “the French people, through its revolution, overthrew the burdensome lifeless forces”. He called this revolution “a magnificent sunrise” recognising that “all thinking creatures were celebrating this epoch” (*ibid.*, pp. 83–84).²³ As an interim summary of the polemic with Beletsky on this problem, Aleksandrov declared: “There is no need to refute the old and ignorant opinion of Comrade Beletsky to the effect that Kant and Hegel did not experience the influence of revolutionary ideas. The issue has long been settled in Marxist literature” (*ibid.*, p. 91).

In their letters Beletsky (directly) and Aleksandrov (indirectly) addressed Stalin. But was Stalin competent in this argument and what was his view on the issue of the influence of revolutionary ideas on Kant and Hegel which had been “solved” in Marxist literature? With the exception of an article “Dialectical and Historical Materialism” in “*Pravda*” in 1938 (*cf.* Stalin, 1975, p. 14), Kant is not mentioned in Stalin’s published works. There exists an account of Vladimir A. Razymny which it is hardly possible to verify today. It says that some time in 1952 Stalin, at a gathering in the apartment of Dmitry I. Chesnokov, secretary of the party organisation of the USSR Academy of Sciences’ Institute of Philosophy, when told about an interview preceding a Candidate’s exam on the *Critique of Judgement*, said:

“...‘Yes, Kant! Everybody says Hegel, Hegel! I for one was an avid reader of Kant when I was at the seminary. What do you think of analytical judgements?’ Thinking that the question was addressed to me I mumbled something incoherent although I had studied Kant just as diligently as differential calculus. Disregarding my babble, Stalin continued to pace the room

²³ Aleksandrov refers to Hegel’s *Philosophy of History*.

«Да, Кант! Все вот говорят — Гегель, Гегель! А я вот в семинарии зачитывался Кантом. Как ты смотришь на аналитические суждения?». Подумав, что вопрос обращен ко мне, я что-то вполне несурзное промычал, хотя штудировал Канта так же упорно, как дифференциальное исчисление. Не обращая внимания на мой философский лепет, И. В. Сталин продолжал ходить, излагая сложнейшие умопостроения Канта, его концепцию noumenov и феноменов. Вдруг, резко остановившись, он посмотрел на меня (у него был удивительный взгляд — пронзительный, но с хитринкой!) и спросил: «А как ты смотришь на “Критику практического разума”? Клянусь — я вообще почти исчез в кресле, думая про себя: «Не читал. Знаю — только название...» Очевидно, ответа от меня и не требовалось. Помню лишь, как, словно обобщая философские раздумья, И. В. Сталин детально излагал философию Канта (мне показалось тогда — минут тридцать), а затем проговорил, словно вслушиваясь в волновавшие его мысли: «Да, как это верно — разум, воля, эмоции...» (Разумный, 2008, с. 219)¹⁷.

Имеем ли мы дело с неким апокрифом или же с подлинной историей, судить сложно.

Со слов Александрова дошло и прямое высказывание Сталина по мотивам решения ЦК ВКП(б) «О недостатках и ошибках в освещении истории немецкой философии конца XVIII и начала XIX вв.» о том, как следует в его свете излагать гегелевскую философию: «Философия Гегеля — это аристократическая реакция на Великую Французскую революцию и французский материализм» (цит. по: Ойзерман, 2005, с. 102). Несмотря на то, что эта оценка Сталиным нигде не была опубликована, она была широко известна в философских кругах и воспринималась как руководящее указание. Результатом временной победы Белецкого в споре стало то, что он в последние годы войны добился исключения из списка литературы, рекомендованной для студентов философского факультета МГУ, статьи Ленина «Три источника и три составных части марксизма» (Там же).

¹⁷ См. также об опровержении агностицизма Канта у Сталина: (Щеглов, 1940, с. 17).

expounding Kant's complicated reasoning, his concept of noumena and phenomena. Then he stopped abruptly, and fixed me with his gaze (his gaze was extraordinary, piercing but also with a sly twinkle in his eye). 'And what do you think of the *Critique of Practical Reason*?' I swear I wished I could disappear in my chair, thinking to myself: 'I haven't read it. I only know the title...' Apparently, no answer from me was expected. I just remember that, as if summing up his philosophical musings, Stalin was setting forth Kant's philosophy (I thought at the time that he spoke for about thirty minutes) and then said, as if articulating the thoughts that agitated him, 'Yes, how true — reason, will, emotions...' (Razumny, 2008, p. 219).²⁴

It is hard to say whether the story is apocryphal or true.

Aleksandrov reports Stalin's direct remarks concerning the CC AUCP(B) resolution "On the Shortcomings and Errors in Presenting the History of German Philosophy in the Late Eighteenth and early Nineteenth Centuries" on how Hegel's philosophy should be treated in the light of the resolution: "Hegel's philosophy is an aristocratic reaction to the Great French Revolution and French materialism" (cited in Oizerman, 2005, p. 102). Although it was never published, Stalin's opinion was widely known in the philosophical circles and was seen as a directive to be followed. As a result of Beletsky's temporary victory in the argument, in the last war years he succeeded in getting Lenin's article "Three Sources and Three Component Parts of Marxism" dropped from the list of recommended literature for Moscow University students of philosophy (*ibid.*).

6. Post-War Discussions

The controversy did not end in 1944 and continued for several years after the end of World War II. The topic of Kant's attitude to

²⁴ On Stalin's refutation of Kant's agnosticism see also Shcheglov (1940, p. 17).

6. Послевоенные дискуссии

Спор не закончился в 1944 г., продолжаясь еще несколько лет и после окончания Великой Отечественной войны. Тема отношения Канта к французской революции вновь возникла при обсуждении книги Александрова «История западноевропейской философии» (1946), состоявшемся в 1947 г. и спровоцированном новым письмом Белецкого к Сталину. В самой книге Александрова хоть и цитировались с симпатией некоторые образные фразы Гейне о Канте (Александров, 1946, с. 371–372), но вопрос о влиянии на Канта французской революции практически не затрагивался. По мысли автора, если во Франции после 1789 г. идеи свободы, равенства и братства служили целям создания нового общественного порядка, более прогрессивного по сравнению с феодальным, то в «отсталой Германии конца XIX в. — стране насквозь прогнившего феодализма, стране с контрреволюционным характером господствующих классов — идеи эти нашли крайне уродливое выражение и реакционное истолкование в социально-политических и этических воззрениях Канта, Фихте и Гегеля» (Там же, с. 378). Совершенно обошел своим вниманием эту тему и главный докладчик — ведущий идеолог А. А. Жданов (Жданов, 1952).

Белецкий, не присутствовавший на заседании, опубликовал свою речь в первом номере только созданного журнала «Вопросы философии» (1947). Здесь он в критике кантовской философии идет еще дальше, нежели в своих письмах Сталину: «Работа Канта “Критика чистого разума”, как известно, была написана перед Великой французской революцией. Однако эта работа от начала и до конца направлена как против французского материализма, так и против идей французской революции...» (Белецкий, 1947, с. 320). Более того, «кантовская идеалистическая философия явилась теоретическим опровержением идеи революции. Она

the French Revolution cropped up again during the discussion of Aleksandrov’s book, *A History of West European Philosophy* (1946), which took place in 1947 and was provoked by Beletsky’s new letter to Stalin. Aleksandrov’s new book hardly touched upon the influence of the French Revolution on Kant although it quoted with sympathy some of Heine’s images of Kant (Aleksandrov, 1946, pp. 371–372). The author argues that while in France after 1789 the ideas of liberty, equality and fraternity contributed to the creation of a new social order, more progressive compared to the feudal order; in “backward Germany of the late eighteenth century — a country of rotten feudalism, a country of counter-revolutionary ruling classes — these ideas were expressed in an extremely distorted way and were interpreted in a reactionary manner in the socio-political and ethical views of Kant, Fichte and Hegel” (*ibid.*, p. 378). The keynote speaker, the leading ideologist Andrey A. Zhdanov (1952), sidestepped the issue altogether.

Beletsky, who did not attend the meeting, published his speech in the first issue of the newly-founded journal “*Voprosy filosofii*” (“Questions of Philosophy”) (1947). In it he carries his critique of Kant’s philosophy still further than in his letters to Stalin: “Kant’s work, the *Critique of Pure Reason*, was written before the Great French Revolution. However, the work is directed, from beginning to end, against French materialism and against the ideas of the French Revolution [...]” (Beletsky, 1947, p. 320). Moreover, “Kant’s idealistic philosophy was a theocratic refutation of the idea of revolution. It precluded the revolutionary transformation of society. This was the underlying mission of Kant’s philosophy. This was its ideology. A priorism, the transcendental method — Kant used all this as an instrument, a method of his ‘theoretical’ schemes which justified the invincibility of the Prussian state” (*ibid.*). Even though there are some superficial

запрещала возможность революционного преобразования общества. В этом было глубокое назначение философии Канта. В этом была ее идейность. Априоризм, трансцендентальный метод — все это служило Канту лишь средством, способом для его “теоретических” построений, оправдывавших нерушимость прусского государства» (Там же). Если же в работах французских философов и у Канта и обнаруживаются некоторые внешние параллели, они носят совсем иной характер: «Французы выдвинули революционные лозунги, а Кант превратил их в реакционные» (Там же, с. 322). И общий итог после краткого рассмотрения двух первых «Критик» Канта, к которому приходит Белецкий, таков:

Работы Канта «Критика чистого разума» и «Критика практического разума» — это работы не абстрактные, не оторванные от конкретной действительности. Это боевые, политические работы, в которых Кант теоретически обосновал необходимость существования пруссаческого государства, необходимость сохранения существующего порядка вещей. В этом была партийность философии Канта. Философия Канта защищала немецкую реакцию против французской революции, она защищала идеализм против материализма, религию против науки (Там же, с. 321).

Однако в 1947 г. Белецкий со своими тезисами успеха уже не имел.

В начале 50-х гг. появляются новые работы о Канте, а в начале 60-х — первое собрание сочинений Канта на русском языке. В брошюре 1955 г. с вновь ставшим каноническим названием «Немецкая классическая философия — один из теоретических источников марксизма» Т. И. Ойзерман снова подчеркивает, и снова без прямой цитаты: «Маркс характеризовал философию одного из представителей немецкой классической философии И. Канта как немецкую теорию французской революции. Это указание Маркса полно глубочайшего смыс-

parallels between the works of French philosophers and Kant they have a totally different character: “The French put forward revolutionary slogans while Kant turned them into reactionary ones” (*ibid.*, p. 322). After considering Kant’s first two *Critiques* Beletsky arrives at the following conclusion:

Kant’s works, the *Critique of Pure Reason* and the *Critique of Practical Reason*, are not abstract works divorced from concrete reality. These are combative political works in which Kant provides a theoretical grounding of the existence of the Prussian state and the need to preserve the existing state of affairs. This constituted the partisanship of Kant’s philosophy. Kant’s philosophy defended the German reaction against the French Revolution, it defended idealism against materialism, religion against science (*ibid.*, p. 321).

However, in 1947 Beletsky’s ideas had no traction.

The early 1950s saw the publication of new works about Kant and in the early 1960s the first collection of Kant’s works was published in Russian. In the pamphlet under the reinstated canonical title, *Classical German Philosophy is One of the Theoretical Sources of Marxism*, Teodor I. Oizerman (1955, p. 9) again stresses, without direct quotation, that “Marx characterised the philosophy of one of the representatives of Classical German philosophy, I. Kant, as the German theorist of the French Revolution. This tenet of Marx carries profound meaning.” The first volume of Kant’s works (1963) sheds some light on the strange circumstance of the absence of a direct reference. In the preface, Oizerman (1963, pp. 42-43) notes that Marx referred to Kant’s philosophy as the German theory of the French Revolution in the article “Philosophical Manifesto of the Historical School of Law”, written by a young and non-canonical Marx: “In 1842 Marx was an idealist; his works of the

ла» (Ойзерман, 1955, с. 9). В первом томе собрания сочинений Канта в 1963 г. это странное обстоятельство с отсутствием прямой отсылки, пожалуй, впервые приоткрывается. Ойзерман во введении отмечает, что философия Канта была названа немецкой теорией французской революции в статье «Философский манифест исторической школы права», написанной еще юным, неканоническим Марксом: «В 1842 г. Маркс был еще идеалистом; в работах этого времени лишь намечается переход Маркса от идеализма и революционного демократизма к материализму и коммунизму. Однако революционное, историческое чутье молодого Маркса помогло ему увидеть... исторически прогрессивный смысл учения Канта при всей его противоречивости, непоследовательности, склонности к компромиссу» (Ойзерман, 1963, с. 42–43)¹⁸. И только с этого времени тезис о Канте как о немецком теоретике французской революции превращается в Советском Союзе на несколько десятилетий в уже не подвергаемую сомнениям догму, при этом собственное отношение Канта к французской революции и обсуждение в его трудах философских и юридических аспектов социально-политической революции так и продолжали вызывать интерес лишь в виде исключения.

Список литературы

Алданов М. А. Девятое термидора // Алданов М. А. Мыслитель: Девятое термидора. Чертов мост. Заговор. Святая Елена, маленький остров. Тетралогия. М.: Захаров, 2002. С. 5–196.

Александров Г. Ф. История западноевропейской философии. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1946.

Александров Г. Ф. Письмо Г. М. Маленкову и А. С. Щербачеву от 29 февраля 1944 г. // Косичев А. Д. Философия, время, люди. Воспоминания и размышления декана философского факультета МГУ им. М. В. Ломоносова. М.: ОЛМА-ПРЕСС, 2003а. С. 83–91.

¹⁸ Ср. также с разбором этого высказывания «молодого Маркса» без точного указания источника в довоенной статье (Луппол, 1930, с. 116–118).

time have only some signs of Marx's transition from idealism and revolutionary democracy to materialism and communism. However, Marx's revolutionary and historical flair helped him to see [...] the historically progressive meaning of Kant's doctrine for all its contradictory and inconsistent character and the tendency to compromise."²⁵ It is only since that time that the thesis about Kant as the German theorist of the French Revolution turned, for several decades, into an unassailable dogma in the Soviet Union, while Kant's own attitude to the French Revolution and the discussion of the philosophical and legal aspects of socio-political revolution continued to attract only sporadic interest.

References

Aldanov, M. A., 2002. The Ninth Thermidor. In: M. A. Aldanov, 2002. *Myslitel': Devjatoe termidora. Chertov most. Zagovor. Svjataja Elena, malen'kij ostrov. Tetralogija* [The Thinker: The Ninth Thermidor. Devil's Bridge. Conspiracy. St. Helena, the Little Island. Tetralogy]. Moscow: Zakharov, pp. 5-196. (In Rus.)

[Aleksandrov, G. F., Bykhovskiy, B. E., Mitin, M. B. and Judin, P. F.], eds. 1943. From the Editors. In: *Istorija filosofii* [History of Philosophy]. Volume 3: *Filosofija pervoj poloviny XIX veka* [Philosophy in the First Half of the 19th Century]. Moscow: OGIZ Gospolitizdat, p. 2. (In Rus.)

Aleksandrov, G. F., 1946. *Istorija zapadnoevropejskoj filosofii* [History of West European Philosophy]. Moscow and Leningrad: Izdatel'stvo AN SSSR. (In Rus.)

Aleksandrov, G. F., 2003a. Letter to G. M. Malenkov and A. S. Scherbakov of 29 February 1944. In: A. D. Kosichev, 2003. *Filosofija, vremja, ljudi. Vospominanija i razmyshlenija dekana filosof-skogo fakul'teta MGU im. M. V. Lomonosova* [Philosophy, Time, People. Memories and Reflections of the Dean of Philosophy Faculty of Lomonosov Moscow State University]. Moscow: OLMA-PRESS, pp. 83-91. (In Rus.)

Aleksandrov, G. F., 2003b. Letter to G. M. Malenkov and A. S. Scherbakov of 3 May 1944. In: A. D. Kosichev, 2003. *Filosofija, vremja, ljudi. Vospominanija i razmyshlenija dekana filosof-skogo fakul'teta MGU im. M. V. Lomonosova* [Philosophy, Time, People. Memories and Reflections of the Dean of Philosophy Faculty of Lomonosov Moscow State University]. Moscow: OLMA-PRESS, pp. 106-107. (In Rus.)

²⁵ Cf. the analysis of this remark by "the young Marx" without a direct indication of the source in a pre-war article by Ivan K. Luppel (1930, pp. 116-118).

Александров Г. Ф. Письмо Г. М. Маленкову и А. С. Щербакову от 3 мая 1944 г. // Косичев А. Д. Философия, время, люди. Воспоминания и размышления декана философского факультета МГУ им. М. В. Ломоносова. М. : ОЛМА-ПРЕСС, 2003б. С. 106–107.

Асмус В. Ф. Философская культура под сапогом фашизма // Знамя. 1936. № 3. С. 189–222.

Асмус В. Ф. Фашистская фальсификация классической немецкой философии. М. : Госполитиздат, 1942.

[Асмус В. Ф.] Кант // История философии / под ред. Г. Ф. Александрова, Б. Э. Быховского, М. Б. Митина, П. Ф. Юдина. М. : Госполитиздат, 1943. Т. 3 : Философия первой половины XIX века. С. 56–137.

Баммель Г. К. О фашизации истории философии в Германии // Против фашистского мракобесия и демагогии : сб. ст. / под ред. И. Н. Дворкина, А. М. Деборина, М. Д. Каммари [и др.]. М. : Госсоецэкгиз, 1936. С. 216–264.

Белецкий З. Я. [Речь] // Вопросы философии. 1947. № 1. С. 314–325.

Белецкий З. Я. Письмо к И. В. Сталину от 27 января 1944 г. // Косичев А. Д. Философия, время, люди. Воспоминания и размышления декана философского факультета МГУ им. М. В. Ломоносова. М. : Олма-пресс, 2003. С. 55–78.

Бернхард Т. Иммануил Кант // Видимость обманчива и другие пьесы / сост. и пер. М. Л. Рудницкого. М. : Ad Marginem, 1999. С. 243–316.

[Быховский Б. Э.?] Гегель // История философии / под ред. Г. Ф. Александрова, Б. Э. Быховского, М. Б. Митина, П. Ф. Юдина. М. : Госполитиздат, 1943. Т. 3 : Философия первой половины XIX века. С. 210–301.

Гейне Г. Черты из истории религии и философии в Германии // Эпоха : журнал литературный и политический / изд. М. М. Достоевским (СПб.). 1864. № 3. С. 192–222.

Гейне Г. К истории религии и философии в Германии / пер. А. Горнфельда // Собр. соч. : в 10 т. М. : ГИХЛ, 1958а. Т. 6. С. 13–139.

Гейне Г. Предисловие к книге «Кальдорф о дворянстве в письмах к графу М. фон Мольтке» / пер. А. Горнфельда // Собр. соч. : в 10 т. М. : ГИХЛ, 1958б. Т. 5. С. 153–166.

Герцен А. И. Письма об изучении природы. Письмо 8 // Собр. соч. : в 30 т. Т. 3. М. : Изд-во АН СССР, 1954. С. 292–316.

Anonym, 1794. Dreyerley Desorganisationen gegen das Ende unseres Jahrhunderts. *Philosophisches Archiv, hg. von J. A. Eberhard (Berlin)*. Band 2, St. 3, pp. 17–31.

Anonym, 1795. Gespräch zwischen Charlotte Cordé, der Mörderin des berühmigten Marat zu Paris, und einem kritischen Philosophen. *Philosophisches Archiv, hg. von J. A. Eberhard (Berlin)*. Band 2, St. 4, pp. 110–113.

Asmus, V. F., 1936. Philosophical Culture under the Boots of Fascism. In: *Znamja [Banner]*, 3, pp. 189–222. (In Rus.)

Asmus, V. F., 1942. *Fashistskaja fal'sifikacija klassicheskoj nemeckoj filosofii* [The Fascist Falsification of Classical German Philosophy]. Moscow: OGIZ Gospolitizdat. (In Rus.)

[Asmus, V. F.], 1943. Kant. In: G. F. Aleksandrov, B. E. Bykhovsky, M. B. Mitin and P. F. Judin, eds. 1943. *Istorija filosofii* [History of Philosophy]. Volume 3: *Filosofija pervoj poloviny XIX veka* [Philosophy in the First Half of the 19th Century]. Moscow: OGIZ Gospolitizdat, pp. 56–137. (In Rus.)

Bachmann, C. F., 1816. *Über die Philosophie meiner Zeit. Zur Vermittlung*. Jena: Cröker.

Bammel, G. K., 1936. On the Fascization of the History of Philosophy in Germany. In: I. N. Dvorkin, A. M. Deborin, M. D. Kammari, M. B. Mitin, M. A. Saveliev, eds. 1936. *Protiv fashistskogo mrakobesija i demagogii. Sbornik statej* [Against Fascist Obscurantism and Demagogy. Collected Papers]. Moscow: Gosudarstvennoe social'no-jekonomicheskoe izdatel'stvo, pp. 216–264. (In Rus.)

Beletsky, Z. Ya., 2003. Letter to I. V. Stalin of 27 January 1944. In: A. D. Kosichev, 2003. *Filosofija, vremja, ljudi. Vospominaniia i razmyshleniia dekana filosof-skogo fakul'teta MGU im. M. V. Lomonosova* [Philosophy, Time, People. Memories and Reflections of the Dean of Philosophy Faculty of Lomonosov Moscow State University]. Moscow: OLMA-PRESS, pp. 245–320. (In Rus.)

Beletsky, Z. Ya., 1947. [Talk]. In: *Voprosy filosofii*, 1, pp. 314–325. (In Rus.)

Bernhard, T., 1983. Immanuel Kant. In: T. Bernhard, 1983. *Die Stücke 1969–1981*. Frankfurt a. M.: Suhrkamp, pp. 595–684.

Bonsens, E. [Brosse, F. C.], 1798. *Antipseudo-Kantiade, oder der Leinweber und sein Sohn, ein satyrisch-kritischer Roman, mit imaginierten Kupfern, ohne Vorrede von Kant, aber mit einer üblen Nachrede der Pseudokantianer*. Gnidos [Riga]: Severesto.

[Bykhovsky, B. E.], 1943. Hegel. In: G. F. Aleksandrov, B. E. Bykhovsky, M. B. Mitin and P. F. Judin, eds. 1943. *Istorija filosofii* [History of Philosophy]. Volume 3: *Filosofija pervoj poloviny XIX veka* [Philosophy in the First Half of the 19th Century]. Moscow: OGIZ Gospolitizdat, pp. 210–301. (In Rus.)

Герцен А. И. Былое и думы // Собр. соч. : в 30 т. М. : Изд-во АН СССР, 1957. Т. 11. С. 9–513.

Деборин А. М. Ревизионизм под маской ортодоксии // Под знаменем марксизма. 1927. № 9. С. 5–48.

Диалектический и исторический материализм : в 2 ч. : учебник для комвузов и вузов / коллектив Института философии Коммунистической академии / под руководством М. Б. Митина. М. : Соцэкиз, 1934. Ч. 1 : Диалектический материализм.

Жданов А. А. Выступление на дискуссии по книге Г. Ф. Александрова «История западноевропейской философии» 24 июня 1947 г. М. : Госполитиздат, 1952.

Кант И. Критика чистого разума / пер. с нем. Н. О. Лосского, сверка Ц. Г. Арзаканьяна, М. И. Иткина. М. : Мысль, 1994.

Круглов А. Н. Споры о Канте во время Великой Отечественной войны: взгляд спустя 75 лет после Победы. Часть II // Вопросы философии. 2020. № 6. С. 169–189.

Круглов А. Н. «Сижу за ширмой...»: Александр Блок и Андрей Белый // Неокантианство немецкое и русское: между теорией познания и критикой культуры / под ред. И. Н. Грифцовой, Н. А. Дмитриевой. М. : РОССПЭН, 2010. С. 484–499.

Ленин В. И. Материализм или эмпириокритицизм. Критические заметки об одной реакционной философии // Полн. собр. соч. 5-е изд. М. : Политиздат, 1968. Т. 18. С. 7–384.

Ленин В. И. Философские тетради // Полн. собр. соч. 5-е изд. М. : Политиздат, 1969. Т. 28. С. 3–742.

Ленин В. И. Три источника и три составных части марксизма // Полн. собр. соч. 5-е изд. М. : Политиздат, 1973. Т. 23. С. 40–48.

Луппол И. К. Кант и современный ревизионизм немецкой социал-демократии (К. Форлендер и М. Адлер) // На два фронта : сб. ст. М. ; Л. : Госиздат, 1930. С. 113–137.

Маркс К. Философский манифест исторической школы права // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. М. : Госполитиздат, 1954. Т. 1. С. 85–92.

Межевич В. С. Гегель (Из Амедея Прево) // Телескоп. Журнал современного просвещения / изд. Н. И. Надеждиным (М.). 1833. Ч. 16, № 15. С. 381–397.

Мошковская Ю. Я. [Кант] // Французская буржуазная революция. 1789–1794 / под ред. В. П. Волгина, Е. В. Тарле. М. ; Л. : Изд-во АН СССР, 1941. С. 245–250.

Central Committee of the All-Union Communist Party of Bolsheviks, 1944. On the Shortcomings and Errors in the Coverage of the History of German Philosophy in the Late Eighteenth and Early Nineteenth Centuries. *Bolshevik*, 7-8, pp. 14-19. (In Rus.)

Chaadaev, P. Ya., 1991. Letter to A. I. Turgenev of October – November 1835. In: P. Ya. Chaadaev, 1991. *Polnoe sobranie sochinenij i izbrannye pis'ma v 2-h t.* [Complete Works and Selected Letters in 2 Volumes]. Volume 2. Moscow: Nauka, pp. 94-101. (In Rus.)

Deborin, A. M., 1927. Revisionism under the Mask of Orthodoxy. *Pod znamenem marksizma* [Under the Banner of Marxism], 9, pp. 5-48. (In Rus.)

Engels, F., 1975. Progress of Social Reform on the Continent. In: K. Marx and F. Engels, 1975. *Collected Works. Volume 3: Marx and Engels: 1843–1844.* Moscow: Progress Publishers; London: Lawrence & Wishart, pp. 392-408.

Engels, F., 1989. Preface to the First German Edition of *Socialism: Utopian and Scientific*. In: K. Marx and F. Engels, 1989. *Collected Works. Volume 24: Marx and Engels: 1874–1883.* London: Lawrence & Wishart, pp. 457-459.

Engels, F., 1990. *Ludwig Feuerbach and the End of Classical German Philosophy*. In: K. Marx and F. Engels, 1990. *Collected Works. Volume 26: Engels: 1882–1889.* London: Lawrence & Wishart, pp. 353-398.

Ern, V. F., 1991. The Sword and the Cross (From Kant to Krupp). In: V. F. Ern, 1991. *Sochinenija* [Works]. Moscow: "Pravda", pp. 308-318. (In Rus.)

Fichte, J. G., 1970. Brief an J. I. Baggesen vom April 1795. In: J. G. Fichte, 1970. *Gesamtausgabe der Bayerischen Akademie der Wissenschaften. Band III, 2.* Stuttgart-Bad Cannstatt: Frommann-Holzboog, p. 298.

Florensky, P. A., 2007. From Lectures on the History of Philosophy in Modern Times. *Russian Journal of Philosophical Sciences*, 1, pp. 20-44. (In Rus.)

[Francke, R. and Hollmer, H.], eds. 2001. *Mitteilungen*. In: H. Heine, 2001. *Säkularausgabe: Werke, Briefwechsel, Lebenszeugnisse. Band 8: Über Deutschland 1833–1836. Kunst und Philosophie. Kommentar.* Herausgegeben von der Stiftung Weimarer Klassik. Berlin: Akademie Verlag, pp. 372-568.

Heine, H., 1864. Traits from the History of Religion and Philosophy in Germany. In: *Jepoha, zhurnal literaturnyj i politicheskij* [Epoch, Journal of Literature and Politics], edited by M. M. Dostoevsky (St. Petersburg), 3, pp. 192-222. (In Rus.)

Heine, H., 2007a. From the Introduction to "Kahldorf on the Nobility in Letters to Count M. von Moltke (1831)". In: H. Heine, 2007. *On the History of Religion and Philosophy in Germany and Other Writings*. Edited by T. Pinkard, translated by H. Pollack-Milgate. Cambridge: Cambridge University Press, pp. 130-135.

Никанор, архиепископ (Бровкович А. И.). Позитивная философия и сверхчувственное бытие. СПб. : типогр. товарищества «Общественная польза», 1888. Т. 3 : Критика на критику чистого разума Канта.

О недостатках и ошибках в освещении истории немецкой философии конца XVIII и начала XIX вв. / Большевик. 1944. № 7–8. С. 14–19.

Ойзерман Т. И. Немецкая классическая философия — один из теоретических источников марксизма. М. : Знание, 1955.

Ойзерман Т. И. Иммануил Кант — родоначальник классической немецкой философии // Кант И. Соч. : в 6 т. / под ред. В. Ф. Асмуса, А. В. Гулыги, Т. И. Ойзермана. М. : Мысль, 1963. Т. 1. С. 5–67.

Ойзерман Т. И. Оправдание ревизионизма. М. : Канон+, 2005.

От редакции // История философии / под ред. Г. Ф. Александрова, Б. Э. Быховского, М. Б. Митина, П. Ф. Юдина. М. : Госполитиздат, 1943. Т. 3 : Философия первой половины XIX века. С. 2.

Писарев Д. И. Генрих Гейне // Полн. собр. соч. и писем : в 12 т. М. : Наука, 2005. Т. 9. С. 391–440.

Плеханов Г. В. Философская эволюция Маркса // Соч. : в 24 т. 2-е изд. М. ; Л. : Госиздат, 1928. Т. 18. С. 323–334.

Плеханов Г. В. Cant против Канта или духовное завещание г. Бернштейна // Избр. философские произведения : в 5 т. М. : Госполитиздат, 1956а. Т. 2. С. 374–402.

Плеханов Г. В. [Предисловие к первому изданию («От переводчика») и примечания Плеханова к книге Ф. Энгельса «Людвиг Фейербах и конец немецкой классической философии»] // Избр. философские произведения : в 5 т. М. : Госполитиздат, 1956б. Т. 1. С. 451–503.

Плеханов Г. В. О книге г. В. Шулятикова // Избр. философские произведения : в 5 т. М. : Госполитиздат, 1957а. Т. 3. С. 319–325.

Плеханов Г. В. Предисловие переводчика ко 2-му изданию брошюры Ф. Энгельса «Людвиг Фейербах и конец немецкой классической философии» // Избр. философские произведения : в 5 т. М. : Госполитиздат, 1957б. Т. 3. С. 67–88.

Разумный В. А. Реальность фантастического // Вестник Российского философского общества. 2008. № 2. С. 217–220.

Сталин И. В. О диалектическом и историческом материализме. М. : Госполитиздат, 1945.

Heine, H., 2007b. On the History of Religion and Philosophy in Germany. In: H. Heine, 2007. *On the History of Religion and Philosophy in Germany and Other Writings*. Edited by T. Pinkard, translated by H. Pollack-Milgate. Cambridge: Cambridge University Press, pp. 3-117.

Herzen, A., 1956. Letters on the Study of Nature. Letter Eight: Realism. In: A. Herzen, 1956. *Selected Philosophical Works*. Moscow: Foreign Languages Publishing House, pp. 282-305.

Herzen, A., 1982. *My Past and Thoughts. The Memoirs*. Translated by C. Garnett, revised by H. Higgins, Introduction by I. Berlin, abridged, with a preface and notes by D. Macdonald. Berkeley & Los Angeles & London: University of California Press.

[Huber, L. F.], 1796. Projet de paix perpétuelle, par Kant. In: *Gazette nationale ou le Moniteur universel*, 103 (3 January), pp. 410-411.

Kant, I., 1998. *Critique of Pure Reason*. Translated and edited by P. Guyer and A. W. Wood. Cambridge: Cambridge University Press.

Klopstock, F. G., 1982. *Werke und Briefe. Historisch-kritische Ausgabe. Werke 1: Epigramme*. Herausgegeben von K. Hurlbusch. Berlin: De Gruyter.

Krouglov, A. N., 2010. “Sitting Behind a Screen...”: Alexander Blok and Andrei Bely. In: I. N. Griftsova and N. A. Dmitrieva, 2010. *Neokantianstvo nemetskoe i russkoe: mezhdru teoriej poznaniya i kritikoj kul'tury* [German and Russian Neo-Kantianism: Between Theory of Knowledge and Criticism of Culture]. Moscow: Russian Political Encyclopedia (ROSSPEN), pp. 484-499.

Krouglov, A. N., 2018. Der Streit der russischen Marxisten um Kants Ethik. *Studies in East European Thought*, 70, pp. 249-261.

Krouglov, A. N., 2020. Discussion about Kant during the Great Patriotic War: The Look 75 Years after the Victory. Part II. In: *Voprosy Filosofii*, 6, pp. 169-189. (In Rus.)

Lenin, V. I., 1977a. The Three Sources and Three Component Parts of Marxism. In: V. I. Lenin, 1977. *Collected Works. Volume 19: March – December 1913*. Moscow: Progress Publishers, pp. 21-28.

Lenin, V. I., 1977b. *Materialism and Empirio-Criticism. Critical Comments on a Reactionary Philosophy*. In: V. I. Lenin, 1977. *Collected Works. Volume 14: 1908*. Moscow: Progress Publishers, pp. 17-388.

Lenin, V. I., 1977c. *Philosophical Notebooks*. In: V. I. Lenin, 1977. *Collected Works. Volume 38*. Moscow: Progress Publishers.

Luppol, I. K., 1930. Kant and Modern Revisionism in German Social Democracy (K. Vorländer and M. Adler). In: *Na dva fronta. Sbornik statej* [On Two Fronts. Collection of Papers]. Moscow and Leningrad: Gosudarstvennoe izdatel'stvo, pp. 113-137. (In Rus.)

Толстой А. Н. Хмурое утро // Полн. собр. соч. М. : ГИХЛ, 1947. Т. 8. С. 7—400.

Флоренский П. А. Из лекций по истории философии Нового времени // Философские науки. 2007. № 1. С. 20—44.

Чаадаев П. Я. Письмо к А. И. Тургеневу от октября — ноября 1835 г. // Полн. собр. соч. и избр. письма : в 2 т. М. : Наука, 1991. Т. 2. С. 94—101.

Шулятиков В. М. Оправдание капитализма в западноевропейской философии (от Декарта до Э. Маха). М. : Московское книгоиздательство, 1908.

Щеглов А. В. Немецкая классическая философия (Кант, Гегель, Фейербах). Стенограмма лекций, прочитанных 11, 14 и 17 декабря 1939 г. [Курс диалектического и исторического материализма ВПШ при ЦК ВКП(б)] / под ред. М. Б. Митина. М. : б. и., 1940.

Энгельс Ф. Успехи движения за социальное преобразование на континенте // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. М. : Госполитиздат, 1954. Т. 1. С. 525—541.

Энгельс Ф. Людвиг Фейербах и конец немецкой классической философии // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. М. : Госполитиздат, 1961а. Т. 21. С. 269—317.

Энгельс Ф. Предисловие к первому немецкому изданию «Развития социализма от утопии к науке» // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. М. : Госполитиздат, 1961б. Т. 19. С. 321—323.

Эрн В. Ф. Меч и крест (От Канта к Крупну) // Соч. М. : Правда, 1991. С. 308—318.

Anonym. Dreyerley Desorganisationen gegen das Ende unseres Jahrhunderts // Philosophisches Archiv / hrsg. von J. A. Eberhard. Berlin : Maßdorf, 1794. Bd. 2, St. 3. S. 17—31.

Anonym. Gespräch zwischen Charlotte Cordé, der Mörderin des berühmigten Marat zu Paris, und einem kritischen Philosophen // Philosophisches Archiv / hrsg. von J. A. Eberhard. Berlin : Maßdorf, 1795. Bd. 2, St. 4. S. 110—113.

Bachmann C. F. Über die Philosophie meiner Zeit. Zur Vermittlung. Jena : Cröker, 1816.

Bonsens E. [Brosse F. Chr.] Antipseudo-Kantiade, oder der Leinweber und sein Sohn, ein satyrisch-kritischer Roman, mit imaginierten Kupfern, ohne Vorrede von Kant, aber mit einer üblen Nachrede der Pseudokantianer. Gnidios [Riga] : Severesto, 1798.

Marx, K., 1975. The Philosophical Manifesto of the Historical School of Law. In: K. Marx and F. Engels, 1975. *Collected Works. Volume 1: Marx, 1835–1843*. Moscow: Progress Publishers; London: Lawrence & Wishart, pp. 203–210.

Mezhevich, V. S., 1833. Hegel. In: *Teleskop. Zhurnal sovremennogo prosveshchenija* [Telescope. Journal of Contemporary Enlightenment Telescope. Journal of Contemporary Enlightenment], edited by N. I. Nadezhdin, 16(15), pp. 381–397. (In Rus.)

Mitin, M. B., ed. 1934. *Dialekticheskij i istoricheskij materializm v 2-h chastjah. Uchebnik dlja komvuzov i vtuzov. Part 1: Dialekticheskij materializm* [Dialectical and Historical Materialism in 2 Parts. Textbook for colleges and universities. Part 1: Dialectical Materialism]. Moscow: OGIZ Socjkgiz. (In Rus.)

Moshkovskaya, Ju. Ja., 1941. [Kant]. In: V. P. Volgin and E. V. Tarle, eds. 1941. *Francuzskaja burzhuaznaja revolyucija. 1769–1794*. [The French Bourgeois Revolution. 1769–1794]. Moscow and Leningrad: Izdatel'stvo AN SSSR, pp. 245–250. (In Rus.)

Nikanor, arhiepiskop (Brovkovich, A. I.), 1888. *Pozitivnaja filosofija i sverhchuvstvennoe bytie. Tom 3: Kritika na kritiku chistogo razuma Kanta* [Positive Philosophy and Supersensible Being. Volume 3: Critique on Kant's Critique of Pure Reason]. St. Petersburg: "Obshchestvennaja pol'za". (In Rus.)

Oizerman, T. I., 1955. *Nemeckaja klassicheskaja filosofija – odin iz teoreticheskikh istochnikov marksizma* [Classical German Philosophy is One of the Theoretical Sources of Marxism]. Moscow: "Znanie". (In Rus.)

Oizerman, T. I., 1963. Immanuel Kant, Pioneer of Classical German Philosophy. In: I. Kant, 1963. *Sochinenija v shesti tomah* [Works in Six Volumes], Volume 1. Edited by V. F. Asmus, A. V. Gulyga and T. I. Oizerman. Moscow: "Mysl", pp. 5–67. (In Rus.)

Oizerman, T. I., 2005. *Opravdanie revizionizma* [The Justification of Revisionism]. Moscow: Kanon+. (In Rus.)

Philonenko, A., 1972. *L'oeuvre de Kant: la philosophie critique. Tome II*. Paris: J. Vrin.

Pisarev, D. I., 2005. Heinrich Heine. In: D. I. Pisarev, 2005. *Polnoe sobranie sochinenij i pisem v 12-ti t.* [Complete Works and Letters in Twelve Volumes]. Volume 9. Moscow: Nauka, pp. 391–440. (In Rus.)

Plekhanov, G. V., 1928. Marx's Philosophical Evolution. In: G. V. Plekhanov, 1928. *Sochinenija* [Works]. Volume 18. Moscow and Leningrad: Gosudarstvennoe izdatel'stvo, pp. 323–334. (In Rus.)

Plekhanov, G. V., 1974a. Cant against Kant or Herr Bernstein's Will and Testament. In: G. V. Plekhanov, 1974. *Selected Philosophical Works, Volume 2*. Moscow: Progress Publishers, pp. 352–378.

Engels F. Ludwig Feuerbach und der Ausgang der klassischen deutschen Philosophie // Marx K., Engels F. Werke. Berlin : Dietz Verlag, 1962. Bd. 21. S. 259–307.

Engels F. Fortschritte der Sozialreform auf dem Kontinent // Marx K., Engels F. Werke. Berlin : Dietz Verlag, 1981. Bd. 1. S. 480–496.

Engels F. Die Entwicklung des Sozialismus von der Utopie zur Wissenschaft [Vorwort zur ersten Auflage] // Marx K., Engels F. Werke. Berlin : Dietz Verlag, 1987. Bd. 19. S. 186–188.

Fichte J. G. Brief an J. I. Baggesen vom April 1795 // Gesamtausgabe der Bayerischen Akademie der Wissenschaften. Bd. III, 2. Stuttgart-Bad Cannstatt : Frommann-Holzboog, 1970. S. 298.

Heine H. Einleitung zu "Kahldorf über den Adel" // Werke und Briefe : in 10 Bdn. / hrsg. von H. Kaufmann, 2. Aufl. Berlin ; Weimar : Aufbau-Verlag, 1972a. Bd. 4. S. 275–289.

Heine H. Zur Geschichte der Religion und Philosophie in Deutschland // Werke und Briefe in zehn Bänden / hrsg. von H. Kaufmann, 2. Aufl. Berlin ; Weimar : Aufbau-Verlag, 1972b. Bd. 5. S. 167–308.

[Huber L.F.] Projet de paix perpétuelle, par Kant // Gazette nationale ou le Moniteur universel. 1796. № 103 (3. Jan.). P. 410–411.

Klopstock F. G. Werke und Briefe. Historisch-kritische Ausgabe / hrsg. von K. Hurlebusch. Berlin : de Gruyter, 1982. Werke 1 : Epigramme.

Krouglov A. N. Der Streit der russischen Marxisten um Kants Ethik // Studies in East European Thought. 2018. Vol. 70, № 4. P. 249–261.

Marx K. Das philosophische Manifest der historischen Rechtsschule // Marx K., Engels F. Werke. Berlin : Dietz Verlag, 1981. Bd. 1. S. 78–85.

Mitteilungen // Heine H. Säkularausgabe: Werke, Briefwechsel, Lebenszeugnisse / hrsg. von der Stiftung Weimarer Klassik. Berlin : Akademie Verlag, 2001. Bd. 8 : Über Deutschland 1833–1836. Aufsätze über Kunst und Philosophie. Kommentar. S. 372–568.

Philonenko A. L'œuvre de Kant: la philosophie critique. P. : J. Vrin, 1972. T. 2.

Rosenkranz K. Geschichte der Kant'schen Philosophie // Kant I. Sämtliche Werke / hrsg. von K. Rosenkranz, F. W. Schubert. Leipzig : Leopold Voss, 1840. Tl. 12. S. 1–496.

Schröpfer H. Kants Weg in die Öffentlichkeit: Christian Gottfried Schütz als Wegbereiter der kritischen Philosophie. Stuttgart-Bad Cannstatt : Frommann-Holzboog, 2003.

Plekhanov, G. V., 1974b. [Foreword to the First Edition ("From the Translator") and Plekhanov's Notes to Engels' Book *Ludwig Feuerbach and the End of Classical German Philosophy*]. In: G. V. Plekhanov, 1974. *Selected Philosophical Works, Volume 1*. Moscow: Progress Publishers, pp. 427–476.

Plekhanov, G. V., 1976a. Translator's Preface to the Second Edition of Engels' *Ludwig Feuerbach and the End of Classical German Philosophy*. In: G. V. Plekhanov, 1976. *Selected Philosophical Works, Volume 3*. Moscow: Progress Publishers, pp. 64–83.

Plekhanov, G. V., 1976b. On Mr V. Shulyatikov's Book. In: G. V. Plekhanov, 1976. *Selected Philosophical Works, Volume 3*. Moscow: Progress Publishers, pp. 299–305.

Razumny, V. A., 2008. The Reality of the Fantastic. *Vestnik Rossijskogo filosofskogo obshchestva [Bulletin of the Russian Philosophical Society]*, 2, pp. 217–220. (In Rus.)

Rosenkranz, K., 1840. Geschichte der Kant'schen Philosophie. In: I. Kant, 1840. *Sämtliche Werke, Theil 12*. Herausgegeben von K. Rosenkranz und F. W. Schubert. Leipzig: Leopold Voss, pp. 1–496.

Schröpfer, H., 2003. *Kants Weg in die Öffentlichkeit: Christian Gottfried Schütz als Wegbereiter der kritischen Philosophie*. Stuttgart-Bad Cannstatt: Frommann-Holzboog.

[Schütz, Ch. G.], 1785. Riga, b. Hartknoch: Grundlegung zur Metaphysik der Sitten von Immanuel Kant, 8 Bog. 8. *Allgemeine Literatur-Zeitung (Jena)*, 2(80), p. 21.

Shcheglov, A. V., 1940. *Nemeckaja klassicheskaja filosofija (Kant, Gegel', Fejrbakh). Stenogramma lekcij, pročitannyh 11, 14 i 17 dekabrya 1939 g. (Kurs dialekticheskogo i istoricheskogo materializma VPSH pri CK VKP(b)) [Classical German Philosophy (Kant, Hegel, Feuerbach). Transcript of the Lectures Delivered on 11, 14 and 17 December 1939. (Course of Dialectical and Historical Materialism in the High Party School under the Central Committee of the VKP(B))]*. Edited by M. B. Mitin. Moscow: s.n. (In Rus.)

Shulyatikov, V. M., 1908. *Opravdanie kapitalizma v zapadnoevropejskoj filosofii (ot Dekarta do Je. Maha) [The Justification of Capitalism in Western European Philosophy (from Descartes to E. Mach)]*. Moscow: Moskovskoe knigoizdatel'stvo. (In Rus.)

Stalin, J., 1975. *Dialectical and Historical Materialism*. Calcutta: Mass Publications.

Tolstoy, A. N., 1947. *A Gloomy Morning*. In: A. N. Tolstoy, 1947. *Polnoe sobranie sochinenij [Complete Works]*. Volume 8. Moscow: GIKhL, pp. 7–400. (In Rus.)

Varnhagen von Ense, K. A., 1843. Kant's Leben, von Schubert. 1842. Aus einem Brief an ** in **. In: K. A. Varnhagen von Ense, 1843. *Denkwürdigkeiten und vermischte Schriften. Band 5*. Leipzig: F. A. Brockhaus, pp. 751–759.

[Schütz Chr. G.] Riga, b. Hartknoch: Grundlegung zur Metaphysik der Sitten von Immanuel Kant, 8 Bog. 8 // Allgemeine Literatur-Zeitung (Jena). 1785. Bd. 2, № 80. S. 21.

Varnhagen von Ense K. A. Kant's Leben, von Schubert. 1842. Aus einem Brief an ** in** // Denkwürdigkeiten und vermischte Schriften. 2. Aufl. Leipzig : F. A. Brockhaus, 1843. Bd. 5. S. 751–759.

Varnhagen von Ense K. A. Tagebücher. Aus dem Nachlaß Varnhagen's von Ense. Hamburg : Hoffmann & Campe, 1869. Bd. 11.

Vorländer K. Kants Stellung zur französischen Revolution // Philosophische Abhandlungen Hermann Cohen zum 70sten Geburtstag (4. Juli 1912) dargebracht. Berlin : Bruno Cassirer, 1912. S. 247–269.

Об авторе

Алексей Николаевич **Круглов**, доктор философских наук, профессор, Российский государственный гуманитарный университет, Москва, Россия.

E-mail: akrouglov@mail.ru

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-1152-1309>

Для цитирования:

Круглов А.Н. Кант как немецкий теоретик французской революции: возникновение догмы в марксистско-ленинской философии // Кантовский сборник. 2021. Т. 40, № 3. С. 63–92.

doi: 10.5922/0207-6918-2021-3-3

© Круглов А.Н., 2021.

Varnhagen von Ense, K. A., 1869. *Tagebücher. Aus dem Nachlaß Varnhagen's von Ense. Band 11.* Hamburg: Hoffmann & Campe.

Vorländer, K., 1912. Kants Stellung zur französischen Revolution. In: *Philosophische Abhandlungen Hermann Cohen zum 70sten Geburtstag* (4. Juli 1912) dargebracht. Berlin: Bruno Cassirer, pp. 247-269.

Zhdanov, A. A. 1952. *Vystuplenie na diskussii po knige G. F. Aleksandrova "Istorija zapadno-evropejskoj filosofii" 24 iunya 1947 g.* [Speech at the Discussion of G. F. Alexandrov's Book History of Western European Philosophy on 24 June 1947]. Moscow: Gospolitizdat. (In Rus.)

Translated from the Russian by Evgeni N. Filippov

The author

Prof. Dr Alexei N. **Krouglov**, Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia.

E-mail: akrouglov@mail.ru

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-1152-1309>

To cite this article:

Krouglov, A. N., 2021. Kant as the German Theorist of the French Revolution: the Origin of a Dogma. *Kantian Journal*, 40(3), pp. 63-92

<http://dx.doi.org/10.5922/0207-6918-2021-3-3>

© Krouglov A. N., 2021.

ПРЕДСТАВЛЕНО ДЛЯ ВОЗМОЖНОЙ ПУБЛИКАЦИИ В ОТКРЫТОМ ДОСТУПЕ В СООТВЕТСТВИИ С УСЛОВИЯМИ ЛИЦЕНЗИИ CREATIVE COMMONS ATTRIBUTION (CC BY) ([HTTP://creativecommons.org/licenses/by/4.0/](http://creativecommons.org/licenses/by/4.0/))

SUBMITTED FOR POSSIBLE OPEN ACCESS PUBLICATION UNDER THE TERMS AND CONDITIONS OF THE CREATIVE COMMONS ATTRIBUTION (CC BY) LICENSE ([HTTP://creativecommons.org/licenses/by/4.0/](http://creativecommons.org/licenses/by/4.0/))